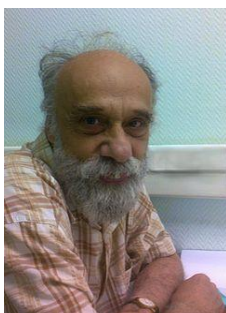

Интервью с Артемием Михайловичем Карапетьянцем

Interview with Artemy M. Karapetyants

Российское Китаеведение – устная история

Карапетьянц Артемий Михайлович (АК) Китаевед, д.ф.н. (1992), профессор (1994) Дата интервью: 11.12.2014, 28.03.2018. Место интервью: г. Москва Вели интервью: Кобзев А.И. (АИ), Осташёва М.С. (МО) Комментарии: Головачёв В.Ц., Кобзев А.И. Осташёва М.С. Продолжительность: 8 ч. Объём текста: 110 с., 4,9 а.л., 197 690 зн. с пр.	Artemy M. Karapetyants Dr. of Sc. (eqv. Habilitation 1992), professor (1994) Date: December, 2014; March 28, 2018 Place: Moscow Hosted by: Artyom I. Kobzev, Maria S. Ostashева Comments: Artyom I. Kobzev, Maria S. Ostashева, Valentin Ts. Golovachev Duration: 8 hours. Text volume: 110 pages
--	--

Карапетьянц Артемий Михайлович (1943 г.р.) Китаевед, д.ф.н. (1992), профессор (1994). Окончил ИВЯ при МГУ (1966). Преподаватель (с 1969), завкафедрой (1993–2003) ИСАА при МГУ. Автор более 100 научных работ. Специалист по изучению памятников древнекитайской письменности и китайскому языкознанию.

АИ: Здравствуйте, Артемий Михайлович! Представьтесь, пожалуйста!

АК: Я – Артемий Михайлович Карапетьянц. Профессор-консультант кафедры истории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института стран Азии и Африки при МГУ. Профессионально я квалифицирую себя, прежде всего, как китаиста. Китай – это мой основной объект изучения и моя любовь.

АИ: Есть проблема дифференциации синологии. Принимаете ли вы вообще эту бóльшую специализацию, или вы – традиционалист, считающий, что синология есть синология, и китаист должен «знать всё» о Китае?

АК: Я считаю, что китаист должен знать как можно больше о Китае. «Всё знать» невозможно, конечно. Но стремиться к этому надо!

АИ: Можете ли вы как-то «сузить», уточнить свою квалификацию как лингвиста, культуролога, историка культуры или историка мысли. Или вы считаете, что это будет не вполне правильно?

АК: Ну почему? Исследователю нужна определённая специализация. Одно дело – общий культурный уровень, общие интересы. Другое дело – конкретный объект изучения. Здесь всё специализировано.

АИ: Кстати, какое слово вам больше нравится? Китаист? Китаевед? Или Синолог?

АК: Я не знаю. Наверно, китаист, всё-таки.

АИ: А по методологии исследований? Может быть, так: по предмету – китаист, а по методам – синолог?

АК: (Смех) ...

АИ: Скажите, пожалуйста, где и когда вы родились?

АК: Я родился в 1943 году в семье учёных-химиков. Мой отец, *Михаил Христофорович Карапетьянци*¹ – довольно видный химик. Моя мать тоже была химиком и очень помогала отцу в работе. Мои родители – для меня это очень светлое воспоминание!

АИ: Можно ли рассказать немножко подробнее? О вашем отце – действительно, видном учёном, есть статья в Википедии. А о маме – нет. Какого они были происхождения? Как они оказались в Москве? Из каких они семей?

---

¹ *Карапетьянци Михаил Христофорович* (1914–1977). Химик, д.х.н., профессор, завкафедрой МХТИ им. Д.И. Менделеева. Лауреат Сталинской премии, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. В 1950-х гг. преподавал в вузах КНР. Автор двух десятков учебников и монографий и более 400 научных статей.

АК: Мой отец – потомственный москвич. Он родился в Москве. Моя мама родилась в Сызрани. Они познакомились в Менделеевском институте, который называется ныне технологическая академия МХТИ.²

АИ: А имя и отчество вашей мамы?

АК: Мария Леонидовна Карапетьянц. А в девичестве – Яхонтова.

АИ: Здесь принято спрашивать – а нет ли тут родственной связи с известным и замечательным китаистом *С.Е. Яхонтовым*³?

АК: Есть ли с китаистом Яхонтовым – я не знаю. Но есть родственная связь с известным чтецом *Владимиром Яхонтовым*⁴.

АИ: Это очень интересно! Ведь он – человек трагической судьбы. А каковы эти связи?

АК: Да. О нём как-то говорили в нашей семье. Хотя непосредственных отношений с ним не было. Моей маме он приходился двоюродным или троюродным дядей по отцовской линии.

АИ: Из каких семей происходили ваши мама и отец?

АК: Мои дедушка и бабушка с материнской стороны были учителями гимназии. Потом преподавали в школе. Мой дед Леонид Михайлович окончил петербургскую духовную академию. Но он выбрал себе светскую специальность. Не хотел связывать себя с духовным званием, что было в то время вполне возможно. Устроился преподавателем в гимназию. В итоге он оказался в Сызрани.

АИ: А происхождения он был питерского? Или он там только учился?

АК: Только учился. По своему происхождению он был оренбургский казак.

АИ: То есть по маме – вы русский из казаков. А отец – чистый армянин?

---

² *Московский химико-технологический институт* (МХТИ). Основан в 1898 г. как Московское промышленное училище. Реорганизовано и переименовано в Московский хим. техникум (1918). Московский химико-технологический ин-т (МХТИ) (1923), затем в Российский химико-технологический ун-т (РХТУ) имени Д.И. Менделеева (1992).

³ *Яхонтов Сергей Евгеньевич* (1926–2018). Китаевед, к.ф.н. (1954), доцент (1956). Окончил востфак ЛГУ (1950). Преподаватель ЛГУ/СПбГУ (с 1954). Специалист по лингвистике и истории языкознания в Китае.

⁴ *Владимир Николаевич Яхонтов* (1899–1945). Русский, советский артист эстрады: чтец, актёр, мастер художественного слова. Создатель жанра «театр одного актёра». Покончил жизнь самоубийством выбросившись из окна.

АК: Да. Мой отец – чистый армянин.

АИ: Из какой семьи был ваш дедушка, окончивший духовную академию? Он из духовной семьи?

АК: Он был из духовной семьи. У него фамилия – соответственно духовному званию. Священникам давали фамилии от названия драгоценных камней, и он получил фамилию Яхонтов. В роду были и довольно видные чиновники. В частности, мой прадед был действительным статским советником. Но всё это – в Оренбуржье.

АИ: То есть генерал-майором он был.

АК: Да. Провинциальным чиновником он был, конечно.

АИ: Остались ли у вас какие-то связи с родственниками по этой линии?

АК: Нет, к сожалению.

АИ: Когда родилась ваша мама?

АК: Мама родилась в 1915 году. Замуж вышла в 1940-м или в 1941-м. Я не могу сейчас сказать точно. Они учились вместе с отцом в Менделеевском. Познакомились там, поженились. Моя мама вошла в московскую семью. Там была мать моего отца (моя бабушка), очень хорошая, очень добрая женщина. Мы жили вчетвером: бабушка, отец с матерью и я.

АИ: Ваша мама преподавала или занималась наукой?

АК: У мамы была очень непростая судьба. Первоначально она работала в Московском институте декоративного искусства. Она была там специалистом по керамике. Потом этот институт был ликвидирован. Часть его преподавателей уехала в Ленинград. А моя мама осталась здесь и поэтому занималась случайными заработками. Она работала в заочном институте инженеров транспорта, реферировала работы. А потом она долгое время работала в Институте научной информации Академии наук, была главным редактором отдела Химии. Причём это очень забавное стечение обстоятельств, потому что первоначально здание Института научной информации было как раз зданием декоративного института. Так что она осталась в том же здании, но служила на новых условиях.

АИ: Так она и проработала там всю жизнь, до пенсии?

АК: Да, она проработала там до пенсии.

АИ: Кстати, о керамике. Вы не знакомили её с книгой Мая Богачихина⁵ о китайской керамике?

АК: Моя мама была лично знакома с Маем Богачихиным. Она познакомилась с ним через *Эмилию Павловну Стужину*⁶, дружила с ним. Потом Стужина рассталась с ним.

АИ: С Богачихиным?

АК: Да. Тоже трагической судьбы была женщина. Но она сыграла в общем-то большую роль в моей судьбе. Она – один из моих учителей. Она любила говорить, что у неё есть два талантливых ученика – это я и *Малявин*⁷. Так что, мы связаны с ним через Стужину.

АИ: Она была права. Вы, действительно, такие – яркие фигуры. Ваша мама как-то высказывалась по поводу книги Богачихина о керамике? Это редкая, малодоступная книга в нашей литературе. Не история, а технология изготовления китайской керамики. Он там что-то переводил, по-моему, с китайского. Любопытно было бы узнать мнение вашей мамы. ... Хорошо. Потом мама оказалась на пенсии...

АК: Да, она всё время занималась делами моего отца. После его смерти как-то оформляла отцовский архив. К сожалению, он довольно рано умер, в 63 года.

---

⁵ *Богачихин Май Михайлович* (1929–2016). Китаевед, переводчик, исследователь духовно-оздоровительных систем, цигуна и фэншуй. Автор сотен статей и 33 книг, в т.ч. словарей и пособий по кит. медицине и духовным практикам. Окончил училище военных переводчиков в г. Канск, учился в МХТИ им. Д.И. Менделеева, откуда поехал на учёбу в Китай, где изучал китайский фарфор. Много лет работал в «почтовых ящиках», затем в ИДВ АН СССР. См.: *Богачихин М.М.* Керамика Китая: история, легенды, секреты. М., 1998. 386 с.

⁶ *Стужина Эмилия Павловна* (1931–1974). Китаевед, к.и.н. (1962), доцент (1967). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1957). Специалист по социально-экономической истории Китая в средневековье и новое время.

⁷ *Малявин Владимир Вячеславович* (1950 г.р., Москва). Востоковед (китаевед), историк, философ. Д.и.н.(1988), профессор. Окончил ИСАА при МГУ (1972). Преподавал в ИСАА при МГУ (1975–1988). Работал в ин-те этнографии РАН (1985–1991). Профессор ун-та Тамкан (Тайвань, с 1997). Специалист по древнекит. философии, культуре и этнической истории Китая.

АИ: С чем это было связано?

АК: Инфаркт. Неожиданно, в командировке, в Бресте.

АИ: Он не болел до этого?

АК: Микроинфаркт у него был года за три до этого.

АИ: Помогала ли ваша мама вам в каких-то научных изысканиях?

АК: Она выступала как секретарь – печатала на машинке то, что я писал. Иногда высказывала какие-то технические замечания, но довольно мало. А так, она мне всячески помогала ещё до того времени, когда я завёл себе компьютер. Тогда уже я всё делал сам, и сейчас всё делаю сам, конечно. От неё была очень большая помощь!

АИ: Когда вы завели компьютер?

АК: Компьютер я завёл в 1989, даже в 1988 году. Мы купили его в Китае, когда ездили с женой в Китай.

АИ: Это очень рано, по нашим меркам. Тогда их практически ни у кого не было. Вы просто «передовик»!

АК: Зато я теперь обнищал.

АИ: Ну, это закон инь-ян. А как ваша мама?

АК: Мама умерла в 2001 году. Похоронена на Ваганьковском кладбище, рядом с отцом. У нас там и место есть.

АИ: А на армянском кладбище есть?

АК: Это и есть армянское. По большому счёту, оно считается Ваганьковским. Я помню, как ходил на кладбище с моей бабушкой, когда ещё маленьким был. Как ухаживали за могилами. Тогда всё было примитивно. А сейчас всяких памятников понастроили – целый город.

АИ: Там кто-то ещё был похоронен из ваших предков?

АК: Там дедушка мой. Родные тётки мои.

АИ: А кем был дедушка по отцу?

АК: Врачом. Он из армянской семьи из Нагорного Карабаха. Из крестьян в принципе происходил. Дед был довольно способным, поэтому родственники собрали деньги и отправили его учиться в Москву. Он учился в Московском

университете на медицинском факультете. И было очень интересно, когда моя бабушка водила меня через переходы под зданием МГУ, в котором я потом учился и преподавал. Сейчас они уже заделаны, а тогда, в детстве, меня это очень интересовало. Кажется, моя бабушка встречалась там где-то с дедушкой.

АИ: А как она получала доступ к этим переходам?

АК: Там можно было спокойно пройти, под зданием. Сейчас там всё перекрыли, а раньше было свободно.

АИ: Любопытно. Выходит, это какое-то мистическое предчувствие вашей судьбы?

АК: Да, в какой-то степени.

АИ: Верно ли, что окончание фамилии Карапетьянц – это свидетельство какой-то родовитости?

АК: Мне трудно сказать. Мой дед имел фамилию Тер-Карапетянц. Мой папа от этого «Тер» отделался, но зато приделал мягкий знак, из-за чего духовная фамилия превратилась в аристократическую. Это всё чистый произвол. Было Карапетянц, а стало Карапетьянц.

АИ: Он сделал это по эстетическим или по каким-то политическим соображениям?

АК: Трудно сказать.

АИ: А в какое время это произошло?

АК: В 1920-е годы.

АИ: Может, это было упрощение? Тогда всё упрощали.

АК: Не знаю. Мой дед оставил после себя воспоминания. Этот текст нигде не опубликован. Хранится в наших архивах.

АИ: Это воспоминания о жизни?

АК: Да, о жизни.

АИ: Если вы возьмёте воспоминания деда и пополните их собственными воспоминаниями, то я с удовольствием опубликую их в «Архиве российской китаистики». Кстати, у вас не было желания набрать это на компьютере?

АК: Мы с моим сыном занимались этим немножечко. Мы ввели этот текст в компьютер. Но больше пока ничего не делалось. Сын у меня в Сингапуре.

АИ: А что он там делает?

АК: Работает. Он по специальности физик. Занимается геофизикой, в основном организационной работой. Менеджер в фирме, которая занимается глубинными разработками – геологоразведочной работой в местах строительства крупных объектов. Они в основном проверяют состояние земной коры в местах бурения.

АИ: А то, что он оказался в китайском культурном ареале, в «малом драконе», это как-то связано с вашей профессией? Или это случайность?

АК: Думаю, это случайность. Но сейчас мой внук занимается китайским языком, что очень забавно.

АИ: А что сейчас в вашем родовом гнезде?

АК: Не знаю. Мы жили на улице Алексея Толстого, ныне это Спиридоновка. Там сейчас новые хозяева. Там была роскошная квартира.

АИ: А почему вы её покинули?

АК: Когда я развёлся с женой, я оставил ей в этой нашей квартире две комнаты.

АИ: Она была коммунальной?

АК: Да, при нас она была коммунальной. Только там были некоторые хитроумные армянские интриги, и квартира уплотнялась за счёт родственников.

АИ: То есть изначально она была ваша семейная, а потом стала коммуналкой?

АК: Когда мой дед окончил университет, он работал на Трёхгорке и устроил там себе семейное гнёздышко. Вся квартира была его. Потом, значит, туда подселяли. Частично родственников, слава богу. Частично – посторонних людей. Одно время в этой пятикомнатной квартире жило 14 человек!

АИ: И родители ваши тоже там жили?

АК: Да, они жили в той квартире. Потом они построили кооперативную квартиру недалеко от Менделеевки.

АИ: Это я помню. Не то улица Фучика, не то – Гашека.

А: Да-да. А я с бывшей женой остался без площади.

АИ: Потом вы оттуда ушли. Там остались жена с вашим сыном. А потом они тоже съехали?

АК: Да, она вышла замуж повторно. У мужа была своя квартира, и они потом обменяли всё это на другую площадь. В результате она сейчас живёт в центре, напротив того дома, в котором выросла.

АИ: Помню, что я встречался с ней. А она имела отношение к китаистике?

АК: Да, мы вместе учились. Её звали Ирина Александровна Фесютина, но она сохранила мою фамилию.

АИ: А она работала по профессии?

АК: Да, она работала в библиотеке иностранной литературы и подрабатывала преподаванием в индийской школе при посольстве⁸.

АИ: А как зовут вашего сына-физика, и сколько ему лет?

АК: Он 1968 года рождения. Зовут его Митя, Дмитрий.

АИ: Когда вы впервые узнали, что существует такая страна – Китай, и при каких обстоятельствах это произошло?

АК: Это довольно романтическая история. Мои родители не имели никакого отношения к востоковедению, и о Китае они тоже не имели ни малейшего представления. Но было очень смешное «знаковое» событие. Моя мама была одной из четырёх сестёр (последняя из них умерла два года назад в возрасте 103 лет). Муж маминой сестры, дядя Женя, был большой оригинал и дарил всякие странные подарки. В 1955 году он подарил отцу на день рождения китайский роман «Троецарствие»⁹. Отец смотрел на него большими глазами, ничего не понимая. Но этот роман так и остался у нас, и до сих пор есть.

АИ: А он объяснил как-то, почему сделал такой подарок?

---

⁸ *Карапетьяниц Ирина Александровна* – завкафедрой иностранных языков школы им. Индиры Ганди (Москва).

⁹ «Троецарствие» 三國演義 – роман XIV в., повествует о событиях эпохи Троецарствия в Китае (кон. II–III вв. н.э.). Автор – Ло Гуань-чжун 羅貫中. Один из 4-х наиболее известных классических китайских романов. См.: *Ло Гуань-чжун. Троецарствие*. Перевод с кит. В.А. Панасюка. Стихи в обработке И. Миримского. М.: ГИХЛ, 1954. В 2-х тт.

АК: Нет!

АИ: А кем он был по профессии?

АК: Тоже химик. Просто он экзотические подарки дарил.

АИ: Тогда как раз вышел и появился на прилавках перевод этой книги.

Наверное, он проходил мимо...

АК: Да, и решил «осчастливить». А потом, после защиты докторской диссертации, моего отца командировали в Китай как советского специалиста. Это был 1957 год.

АИ: Как он попал в Китай? Сам ли он этого хотел, или поехал в приказном порядке?

АК: Не знаю. Видимо, ему предложили, а он согласился поехать в Китай на два года, вместе с семьёй. Так что, мы все вместе поехали в Китай. Я в то время поступил в 8-й класс и тоже поехал туда.

АИ: А чем вы увлекались тогда, чем интересовались до поездки в Китай?

АК: Китаем я специально не интересовался. Я интересовался музыкой.

АИ: Вы учились в музыкальной школе?

АК: Нет, меня учили дома. У меня была учительница, которая учила меня с 1-го по 7-й класс в свободной форме. Так что, у меня любовь к музыке сохранилась, и я временами играю на пианино. Я доволен тем, что со мною было, потому что моя двоюродная сестра окончила с отличием музыкальную школу, после чего вообще не прикасалась к фортепиано. А я, не имея специального образования, остался при нём.

АИ: У вас хороший слух?

АК: Не сказал бы. Обычный.

АИ: Но изучению китайского языка это, конечно, помогло.

АК: Наверное, в какой-то мере.

АИ: Кроме музыки, что ещё интересовало вас в момент встречи с Китаем? Помните ли вы свои ощущения от встречи с Китаем? Как вы ждали этой встречи? С интересом или, наоборот, не хотелось уезжать от друзей-товарищей?

АК: Когда мы поехали, я сначала немножечко испугался – так всё переменялось. Но дальше я держался более или менее. Было интересно, непривычно. Я помню, как нас встречали. Мы были в Чэнду, не в Пекине. Там возникли какие-то недоразумения, и отца первоначально не встретили представители Сычуаньского университета. Но затем всё уладилось, потому что дежуривший на вокзале специальный китайский представитель устроил нас в гостиницу, а потом приехали представители Сычуаньского университета. Я очень смущался, потому что нас принимали очень торжественно. Когда мы сходили с трапа самолёта, нам всем преподнесли цветы, и мне в том числе, чем я был очень напуган!

АИ: Ваш отец должен был там преподавать?

АК: На самом деле, у него была группа аспирантов. Он преподавал не студентам, а аспирантам из разных мест Китая. У него было два переводчика-химика. Был ещё бытовой переводчик, но его быстро отправили «перевоспитываться» в деревню, поэтому остались только эти двое. Это было совершенно чудесное время, потому что мы жили в гостинице, построенной специально для советских специалистов. Такого же типа, как гостиница «Дружба» в Пекине, только не такого масштаба. Кормили там очень хорошо.

АИ: Сколько комнат у вас там было?

АК: У моих родителей был двухкомнатный номер. А у меня, помимо этого, была отдельная комната. Так мы и жили.

АИ: Очень комфортно!

АК: Да, я с удовольствием вспоминаю то время. Это было по-настоящему прекрасное время!

АИ: И теперь вы живёте в трёхкомнатной квартире, как тогда, в начале своей карьеры китаиста! А в какой школе вы там учились?

АК: Мои родители (мой отец) поставили условие, чтобы я не находился в интернате для детей советских специалистов. Была договорённость, что я буду учиться там только последнюю четверть. И на последнюю четверть 8-го

класса мы с мамой приехали в Пекин. Отец оставался в Чэнду, а мы с матерью жили в Пекине. Там находилась средняя школа.

АИ: Фактически, вы учились экстерном.

АК: Да, фактически экстерном. Потом я также возвращался туда на последнюю четверть в 1959 году, после 9-го класса. А на последнюю четверть 1959 года я уже уехал в Москву.

АИ: А как вы учились весь год, три четверти учебного года? Что вы делали?

АК: Делал всякие задания. У меня были учебники. У меня была переписка с преподавателями. В частности, я посылал в Москву сочинения, решал задачи по математическому задачнику. В общем, я сам учился, как мог.

АИ: А какой-то круг общения со сверстниками там был у вас? Была какая-то советская колония?

АК: Сверстников там не было. Все ровесники находились в интернате и приезжали только на каникулы. Как-то так получилось, что настоящих ровесников не нашлось.

АИ: То есть этот случай, который инициировал ваш отец, был редкий, даже уникальный?

АК: Может быть, да.

АИ: Тут уже виден некий «перст судьбы», указующий на ваш какой-то особый, самостоятельный путь «не в потоке».

АК: Я не любил быть «в потоке». Мой интерес к Китаю был неслучаен. Дело в том, что у меня были какие-то диссидентские наклонности.

АИ: Когда вы их ощутили?

АК: Ещё перед отъездом в Китай. Я любил современную классическую музыку. *Скрябина*¹⁰, например. Мы с отцом ходили на концерты, потому что мой отец тоже очень любил музыку. Моя мама меньше, она больше воспринимала вокальное исполнение. Так вот, мы были на концерте в малом

---

¹⁰ *Скрябин Александр Николаевич* (1871–1915). Выдающийся русский композитор и пианист.

зале Консерватории, где *Рихтер*¹¹ играл 2-ю «морскую» сонату Скрябина. Нас это потрясло. В то же время я читал всякие «псевдо»-рассуждения о разрушении музыки, о модернизме, и прочее...

АИ: А разве в те годы Скрябина критиковали?

АК: Критиковали «позднего» Скрябина. Хотя это был не «поздний» Скрябин, но, всё равно. Помню, когда я вернулся в Москву в 1959 или 1960 году, я покупал издания нот Скрябина, в том числе и прижизненные из собрания его сочинений. Какой-то старичок посмотрел на меня, умилился и сказал: «Вот – “скрябинист”! А раньше за это сажали...». И для меня было очень важно то, что есть страна со своей уникальной культурой, которая основана на других принципах. Не то чтобы там можно было говорить о принятии или непринятии отдельными лицами, а это культура целого народа, который иначе устроен. И для меня это было очень важно. Я даже мечтал, что займусь китайской музыкой. Немножечко это исполнилось, но в основном, конечно, нет.

АИ: Очень интересное наблюдение – как бы диссидентство через музыку. Кстати, в те времена и политическое диссидентство так проявлялось. Только через другую музыку, через джаз. Через танцы... Вы к этому не имели отношения? Или это затронуло в какой-то степени и вас?

АК: Джаз тоже в какой-то степени был. Летом 1958 года мы сначала были в Пекине, а потом в Циндао. Циндао – это, конечно, совершенно удивительное место! Надо сказать, что там я впервые в своей жизни увидел море. И там как раз были испанцы, дети политэмигрантов.

АИ: Дети политэмигрантов времён гражданской войны 1930-х гг. в Испании?

АК: Когда в Китае произошла революция и *Мао Цзэ-дун*¹² пришёл к власти, их «перебросили», перевезли в Китай. Вот такая была история.

---

¹¹ *Рихтер Святослав Теофилович* (1915–1997). Один из крупнейших пианистов XX в., известен виртуозной техникой, огромным репертуаром и глубиной интерпретаций. Основатель ряда музыкальных фестивалей, включая «Декабрьские вечера» в ГМИИ им. Пушкина. Народный артист СССР (1961), Герой Соц. Труда (1975). Лауреат Ленинской (1961), Сталинской (1950) и Госуд. премий РСФСР им. Глинки (1987) и России (1996). Первый в СССР обладатель премии «Грэмми» (1960).

АИ: Интересно, а какие были на это причины? Делиться революционным опытом?

АК: Не знаю, честно сказать.

АИ: Я учился в школе, в Москве, с одним из потомков испанских революционеров. Этот парень потряс меня тем, что когда в 10-м классе у нас брали кровь, он, в общем здоровый парень, упал при виде крови в обморок. Мне казалось, что это такая странная реакция для испанцев, как любителей «бычьих боёв».

АК: Да. И там в Циндао был один испанец, который играл на мандолине. У него были ноты популярных в то время на Западе песен. Меня всё это заинтересовало, мне очень понравилось.

АИ: А какие-то иностранцы были в Чэнду?

АК: В гостинице – нет, не было никого. Были русские только.

АИ: То есть общения с иностранной диаспорой там не было?

АК: Нет, конечно.

АИ: Только в Циндао? А сколько времени вы были в Циндао?

АК: Месяц.

АИ: А судьбоносный фестиваль 1957 года, вы застали его здесь, в Москве?

АК: Застал. Я в то время был ещё очень молод. Помню, что бегал с деревенскими в Дмитровское, где мы дачу снимали. И туда приезжали делегации – смотреть на колхоз. Мы туда бегали, автографы какие-то брали...

АИ: Если вернуться к вашей двухгодичной встрече с Китаем, как вы отнеслись там к китайскому языку?

АК: Я был готов заниматься китайским языком, но у меня не было для этого никаких возможностей. Я там достал себе учебники (это были весьма примитивные учебники) и пытался сам по ним заниматься. В результате, только почерк себе испортил. А переводчики, единственные люди, которые

---

¹² *Мао Цзэ-дун* 毛泽东 (1883–1976). Один из основателей и лидеров коммунистического движения в Китае. После 1949 г. фактический лидер КПК и КНР. Объект «культы личности».

могли мне помочь, были очень заняты с моим отцом. Поэтому очень мало внимания мне они уделяли.

АИ: Я знаком с вашим иероглифическим почерком. Вы всегда высказывались о нём критично, но это можно отнести за счёт вашей скромности. Но как оценивают ваш почерк настоящие китайцы? Видно, что это почерк не «корявый», что рука быстрая. В чём особенность вашего почерка как «русского китаиста»?

АК: Я бы не стал говорить про почерк «русского китаиста». Есть всякие китаисты, и есть всякие почерки. Например, у Дмитрия Николаевича Воскресенского чудесный китайский почерк. Дело не в «безобразии» моего почерка. Просто я соединяю линии, которые не принято соединять. разъединяю то, что не принято разъединять. И китайцы реагировали на мой почерк весьма забавно. У отца были какие-то китайские студенты, пару раз они были у нас дома и всё восхищались, как быстро я пишу. Быстро, но неправильно.

АИ: А что говорила о вашем почерке *Тань Ао-шуан*¹³?

АК: Она о моём почерке никогда и ничего не говорила.

АИ: У нас в отделе Китая был *Кузес*¹⁴, который всегда писал иероглифы. Моя первая книга ведь тоже связана с вашей семьёй. Я просил Тань Ао-шуан написать для моей книги, а она свела меня с госпожой Чжао, у которой судьба тоже интересно сложилась. Я с ней столкнулся в «лихие» девяностые годы. Она была очень богатой и влиятельной женщиной.

АК: Да. Чжао Линь.

АИ: А где она сейчас? Здесь или в Китае? Известно ли вам что-то о ней?

АК: Нет, мы с ней утратили связь.

---

¹³ *Тань Ао-шуан* 譚傲霜 (1931–2017). Китаевед, д.ф.н. (1995), профессор (2000). Окончила филфак Пекинского ун-та (1954). Почётный профессор Пед. ун-та Центрального Китая (1999). Член правления Всемирной ассоциации преподавателей кит. языка. Преподаватель ИСАА МГУ (с 1966). Супруга А.М. Карапетьянца.

¹⁴ *Кузес Владимир Сергеевич* (1923–2008). Китаевед, к.и.н. (1978). Окончил ВИИЯ (1949). Сотрудник ИВ АН СССР/РАН (1952–1998).

АИ: Каким было ваше самое яркое впечатление от Китая? Язык, народ, еда, музыка?

АК: Музыка и театр.

АИ: Вам, восьмикласснику, понравилась традиционная китайская музыка?

АК: Да. В основном я слушал её, когда был в девятом классе. Увлёкся и очень её ценил. Для меня это был очень важный вопрос.

АИ: А как вы слушали эту музыку или смотрели представления?

АК: Нас приглашали на спектакли местной сычуаньской оперы. Была там и *юэцюй*, шанхайская опера. И всё это производило на меня очень большое впечатление. Родители это моё увлечение уважали.

АИ: Что ещё вас интересовало?

АК: Живопись китайская. Это было очень забавно, потому что 9-й класс я должен был оканчивать в Москве. Поэтому меня отправили с одним из переводчиков в Пекин. Там меня вписали в паспорт к семье бездетных специалистов, чтобы переправить за границу, перевезти в Москву. Какое-то время пришлось побыть в Пекине, я был там с переводчиком. И мы с ним пошли смотреть всё, что только можно было. Мы были несколько раз в *Гугуне*¹⁵. Смотрели выставленную там китайскую живопись. Были в *чжунбаочжае*, где делали репродукции, которые не отличаются от подлинников. На всё у нас были с собой бумаги с печатью, со всем, где сообщалось, что «Сычуаньский университет просит...». В *чжунбаочжае* нас принимали особенно торжественно, потому что, каким-то чудом, где-то поблизости остановилась шикарная иностранная машина, и они решили, что я из неё вышел (смех).

---

¹⁵ *Гугун* – Национальный Дворец-музей Гугун, *Го-ли Гугун боугуань* 國立故宮博物館, основан 10.10.1925. Основу музея составили сокровища императорского дворца. Из-за японской угрозы в 1933 г. перевезён в Шанхай, в 1936 г. – в Нанкин, затем в Сычуань. В 1947 г. музей ненадолго вернули в Нанкин. В годы гражданской войны, с декабря 1948 г. по февраль 1949 г., самую ценную часть коллекции вывезли на Тайвань. Завершению эвакуации помешало взятие Нанкина частями НОАК. Коллекция музея в Тайбэе включает около 700 тыс. предметов. Коллекция Музея *Гугун боугуань* 故宮博物館 в Пекине включает более 1,8 млн. предметов.

АИ: *Чжунбаочжай* – это типография, где печатают графические копии картин.

АК: Да. В Москву я поехал как член семьи. Нужно было, чтобы меня кто-то сопровождал, и чтобы всё это было правильно оформлено.

АИ: То есть у вас появились «вторые родители»?

АК: Да, ненадолго.

АИ: А с какими-то китаистами вы сталкивались тогда в Китае?

АК: Нет, не сталкивался. Но было ещё одно чудное совпадение. В Чэнду уже после меня приезжал *Дмитрий Николаевич Воскресенский*¹⁶. Мои родители с ним специально познакомились, потому что знали, что я люблю Китай. Дмитрий Николаевич всегда был самого высокого мнения о моих родителях, и ко мне он очень хорошо относится. Так что он был первым китаистом, с которым я имел дело. Сначала заочно, потом очно, в Москве.

АИ: Ваше желание стать китаистом, поступить в институт, сложилось уже тогда или позже?

АК: Тогда.

АИ: А со Стужиной вы когда встретились?

АК: Стужина тоже каким-то образом была связана с Китаем и с моими родителями, потому что моя мама – специалист по керамике. Поэтому мы покупали вазы в неограниченном количестве, сначала над нами смеялись.

АИ: Где сейчас эти вазы?

АК: Здесь, у моего сына.

АИ: Немножко возвращаясь к началу, хочу уточнить два вопроса. На улице Гашека, где жили ваши родители, где их «гнездо» – там сейчас что? После ухода мамы?

---

¹⁶ *Воскресенский Дмитрий Николаевич* (1926–2017). Китаевед, литературовед, переводчик с кит. языка. К.ф.н. (1963), доцент (1967). Заслуженный педагог МГУ, профессор лит. ин-та им. А.М. Горького. Окончил ВИИЯ (1950), Стажировался в КНР (1957–1959, 1973–1974, 1985–1986), Сингапуре (1971–1972), Японии (1979–1980). Сотрудник Ин-та китаеведения (1959–1960), ИДВ АН СССР (1967–1971). Преподаватель ВДШ (1953–1957), ИСАА МГУ (с 1960), Дипломатической академии МИД СССР (с 1985), РГГУ. Член Союза писателей СССР (с 1982).

АК: Дело в том, что моя мама оформила опеку на моего сына. Эта квартира осталась ему, он её обменял, на другую такую же. Она так и находится в Сивцевом Вражке. Так что, вот что с «гнездом» произошло.

АИ: А сын, он тоже имеет ребёнка?

АК: Двух детей.

АИ: Он женат?

АК: Да, он женат, живёт с двумя детьми в Сингапуре.

АИ: А живёт там постоянно?

АК: Да. Лет шесть.

АИ: Сколько лет вашим внукам?

АК: Одному 7 лет, другому – 4.

АИ: Вы их видели?

АК: Я видел старшего. Он с отцом сюда приезжал, и потом я ещё видел его до отъезда. Они уехали, когда ему было 1,5 года. Так что, старшего я видел, а младшего не видел.

АИ: Как их зовут?

АК: Один Алёша, другой – Андрюша.

АИ: Сколько лет вы прожили с вашей первой женой?

АК: Почти 10 лет.

АИ: Наверно, вы рано женились? В институте?

АК: Да, в институте. Мне было 20, когда я женился.

АИ: А сейчас она... жива? На пенсии уже?

АК: На пенсии, естественно. Мы иногда перезваниваемся... Она ездит к моему сыну, у неё вид на жительство сингапурский есть. Мы тоже один раз были там с Тань Ао-шуан.

АИ: Вы же ещё были в Сингапуре на стажировке?

АК: На стажировке, да. Кто бы мог подумать, что будет такое продолжение сингапурской темы!..

АИ: Вот видите, мы тут находим какие-то интересные линии, странные сближения и продолжения. Но вот вы вернулись из Китая и окончили 10

классов, то есть отучились ещё год в Москве. С какими оценками вы окончили школу?

АК: С золотой медалью.

АИ: О! Так что же вы скромничаете? Самообразование – вот оно какое плодоносное! С золотой медалью вы могли поступать в вуз с одним экзаменом или без экзамена?

АК: В то время был переходный период, когда золотая медаль абсолютно никаких преимуществ не давала.

АИ: Какой это был год?

АК: 1960-й.

АИ: Как, ничего не давала?

АК: Ничего! Раньше, перед этим, золотых медалистов принимали в вузы без экзаменов. Потом – с одним экзаменом. А в том 1960-м году ничего не было!

АИ: Да, непорядок!

АК: Я кое-как сдал (экзамены).

АИ: Вы сразу пошли тогда именно в *ИВЯ*¹⁷?

АК: Да, в ИВЯ.

АИ: Прямой дорогой? А были ли у вас там какие-то формы поддержки, в виде Воскресенского, или какие-то советчики?

АК: Не знаю. У меня была проблема с вступительными экзаменами, потому что прошёл слух о том, что на китайское отделение принимают только с китайским языком. Меня срочно учила Жанна Крупник, жена одного китайского коммуниста. И я срочно получил какие-то знания по китайскому языку. Одновременно занимался английским языком, потому как предполагалось, что на вступительных экзаменах нужно сдавать английский, если не сдавать китайский. Так что с приключениями всё это было.

АИ: Интересно, а тот слух, наверное, был пущен для отсека части абитуриентов?

---

¹⁷ *Институт восточных языков (ИВЯ)*. Создан 24.06.1956 на базе восточных отделений исторического и филологического фак-тов МГУ. Ныне – Ин-т стран Азии и Африки МГУ.

АК: Не знаю.

АИ: А в школе вы какой язык учили?

АК: Немецкий.

АИ: Видимо, вы занимались и какими-то другими языками?

АК: Меня родители с детства учили французскому языку.

АИ: Как учили? Сами? Или кого-то приглашали?

АК: Была одна русскоговорящая дама, которая жила в соседней квартире. Она и преподавала мне французский язык. Всё были какие-то свои люди. И учительница музыки была тоже хорошей знакомой моего отца. Английским языком я занимался со своей двоюродной тёткой, которая в своё время кончила инъяз с английским и с испанским. Я только знаю, что мои родители приходили на кафедру китайской филологии. Просто интересовались, что там и как там. И они познакомились с *Екатериной Николаевной Драгуновой*¹⁸. Она в своё время работала на кафедре. Её потом (невообразимая глупость!) уволили по возрасту. А была она совершенно удивительной женщиной и очень мне во многом помогла. Она – вдова *Александра Александровича Драгунова*¹⁹, с которым мне не удалось познакомиться. Он уже умер до моего там появления.

АИ: В каком году её уволили?

АК: Её уволили в 1963 году.

АИ: Наверное, это было связано с возрастом только формально. В 1963 году, в связи с обострением отношений с КНР, как раз оказалось много лишних китаистов. Не с этим ли это связано?

---

¹⁸ *Драгунова Екатерина Николаевна* (1901–1964). Китаевед, лингвист, доцент (1946). Окончила ЛГУ (1924). Преподаватель Военной акад. РККА (1923–1932), НИ комиссии Дальневост. комитета нов. алфавита (1932–1933), кафедры иностр. языков АН СССР (1942–1946), МГУ (1947–1964). Сотрудник науч.-иссл. группы МВО СССР по методике преподавания иностр. языков (1945–1955).

¹⁹ *Драгунов Александр Александрович* (1900–1955). Китаевед, тибетолог, кандидат языкознания (1937). Окончил ЛГУ (1925). Изучал кит. диалекты, автор работ по дунганскому языку. Преподаватель ЛВИ-ЛГУ (1928–1942), ДВГУ и ДВПИ (Владивосток, 1930–1936). Сотрудник ИВ АН СССР (1928–1955).

АК: Нет. Думаю, это было связано с общей политикой – увольняли пенсионеров по возрасту. Прощались торжественно, подарили ей какие-то граммофонные пластинки и отправили с богом!

АИ: Но потом она ещё долго жила?

АК: Нет, года два всего. Как-то всё это вместе сошлось. Для меня большая потеря то, что она умерла. Она была большой поддержкой для меня.

АИ: В каком смысле поддержкой? Личностном или профессиональном?

АК: В личностном и профессиональном, всяческом. Я ощущаю себя, в значительной мере, её учеником.

АИ: По лингвистической линии?

АК: Да, по лингвистической.

АИ: А чем она сама занималась?

АК: Она была филологом довольно широкого профиля. Потом китаистикой тоже занималась, потому что была их классическая статья по филологии, по структуре китайского слога, которую она написала в соавторстве с Александром Александровичем. Она сделала учебник английского языка. Но больше всего она занималась поддержкой молодых специалистов, если так можно выразиться.

АИ: А о них что-то написано? Недавно я помогал *Ольге Исааковне Завьяловой*²⁰ доставать какие-то материалы по Драгунову. Собственно, это был напечатанный в журнале некролог. А она писала статью в какой-то до сих пор неизданный справочник по китаистам. И вдруг неожиданно выяснилось, что, действительно, это были выдающиеся специалисты, но как-то о них мало написано и мало известно. Может, есть архивы... Может, что-то из их работ не опубликовано. Вам что-нибудь на эту тему известно?

АК: У Екатерины Михайловны Драгуновой был такой ученик, китаист Миша Соколов, который занимался китайской интонацией. Он написал о ней очень

---

²⁰ *Завьялова Ольга Исааковна* (1947 г.р.). Китаевед, д.филол.н. (1992). Окончила востфак ЛГУ (1971). Сотрудник ИДВ РАН (1971–1981 и с 1987). Вела научную работу в Японии (1981–1987).

хороший текст, который я пытался пристроить в «Вестник МГУ». Но с этим ничего не получилось, и куда текст делся – даже не знаю теперь.

АИ: Повторяю, что есть теперь место, куда можно отправлять найденные тексты такого рода, и они найдут достойное применение в «Архиве российской китаистики». Как вы сдали вступительные экзамены, успешно? Все пятёрки? Какой конкурс был?

АК: Нет, не все. Даже не помню, какой конкурс был. У меня было 3 «четвёрки» и 2 «пятёрки». У нас было два экзамена по иностранному языку – письменный и устный, такой был особый статус. За сочинение поставили «4», под общую гребёнку. Это довольно обычное дело. За устный русский тоже поставили «4», потому что я без большого энтузиазма отвечал, хотя прекрасно знал этот предмет. Мне было скучно, и мне поставили «4». Зато по истории отвечал и получил «5», совершенно не зная предмета. Я воспользовался тем, что можно смотреть программу. Из этой программы я извлёк информацию, очень бодро и жизнерадостно всё это дело рассказал, и получил «5». И потом я ещё получил «четыре» по письменному английскому. Там изложение было.

АИ: Почему вы не сдавали немецкий, если у вас был основной немецкий?

АК: А немецкий там не принимали. Кроме того, не могу сказать, чтобы я его лучше всего знал, в школе многому не научишься!

АИ: Но у вас школа была в значительной мере самостоятельной. А специализация по Китаю была заранее известна? Или вас распределили туда уже после зачисления?

АК: В принципе, там выясняли первоначально, какой язык собирается изучать человек. Я записался на китайский. И потом надо было выбирать.

АИ: В отличие, извиняюсь, от «параллельной» фигуры Малявина, который собирался быть японистом, но его туда не пустили, потому что тогда это было моднее и престижнее, чем китаистика, и его в принудительном порядке отправили в китаисты. А вы изначально хотели стать китаистом?

АК: Изначально. У нас была группа 5 человек. Трое из интерната с преподаванием китайского языка. Четвёртая – девушка из китайских эмигрантов, она в китайскую школу ходила в Китае. И только я один был такой, один-единственный.

АИ: Их всех приняли, кто с китайским языком?

АК: Да.

АИ: То есть основания для слухов всё-таки были?

АК: Да, они сдавали китайский.

АИ: Тогда я позволю себе высказать гипотезу. Может быть, она нелепая, Вы её тогда опровергните. Может, это связано как раз с тем, что обострение обстановки вызвало потребность в кадрах для спецслужб, и им требовались именно носители, билингвы, или люди, уже знающие язык в большей или меньшей степени, и им, так сказать, оказывали преимущество? Такое могло быть?

АК: Не знаю. Вопрос сложный. Надо сказать, что, когда я поступал, в 1960-м году, таких проблем с Китаем ещё не было в принципе. Они потом возникли, уже после того, как я поступил в институт. Я их уже на себе ощущал, когда учился, но не когда поступал. Когда поступал, всё было довольно безоблачно.

АИ: Но полемика там, на верхах, уже началась.

АК: Что касается института, то это очень забавно. Там, действительно, училось много «номенклатурных» детей. Но в то же время, что очень характерно для той эпохи, были совершенно не связанные ни с чем люди. Я отношусь к этой категории, моя бывшая жена относится к этой категории.

АИ: Видимо, уже упомянутый Малявин тоже... Сам по себе талант.

АК: Да, наверное.

АИ: А поступило вас в группу всего пять человек? Мало...

АК: Мало, а потом ещё двое после первого курса отсеялись. Два мальчика ещё было, одна девочка осталась, а два мальчика отсеялись. Потом в нашу группу поступила казашка. По-моему, она была из Алма-Аты, училась вместе с нами.

АИ: Давайте вспомним самых ярких и интересных студентов и преподавателей!

АК: Здесь я должен отметить, что очень характерной личностью была *Любовь Дмитриевна Позднеева*²¹.

АИ: Несомненно!

АК: Её лекции я до сих пор помню! Помню, как она папиросы набивала ватой вместо фильтра. Она курила непрерывно.

АИ: Каким было ваше первое впечатление о ней? Она была такой представитель модной революционной молодёжи 1920-х годов? Для вас, такого интеллигентного мальчика, это тогда казалось странным или естественным?

АК: Не казалось странным, но не вызывало сочувствия никакого. У меня больше были какие-то диссидентские взгляды.

АИ: Кстати, ваше диссидентство в социальном смысле – оно когда возникло? Как оно из культурного, такого музыкально-эстетского плана зародилось? Или у вас, как у *Синявского*²², с советской властью эстетические разногласия были?

АК: Да нет, больше – неэстетические разногласия.

АИ: Когда вы это почувствовали?

АК: Это сложный вопрос. Я ещё помню, что мы с приятелем из класса обсуждали вопрос – марксисты мы или не марксисты. Так что, всё было достаточно серьёзно.

АИ: А вы были комсомольцем?

АК: А как бы я без этого поступил бы в институт?!

АИ: Ну да. Вы стали им как все, в 14 лет, или в конце школы?

---

²¹ *Позднеева Любовь Дмитриевна* (1908–1974). Китаевед, д.ф.н. (1956). Окончила ЛГУ (1932). Дочь известного востоковеда Д.М. Позднеева (1865–1937). Преподаватель ДВГУ (1932–1939), МГУ (с 1944). Первый завкафедрой кит. филологии ИВЯ. Специалист по кит. литературе.

²² *Синявский Андрей Донатович* (1925–1997). Литературовед, писатель, литературный критик, диссидент времён СССР. Литературный псевдоним – Абрам Терц.

АК: Как все. И даже, по-моему, раньше других. Поскольку я был всегда отличником, меня...

АИ: Толкали?

АК: Да.

АИ: Наверное, какое-то осознанное отношение к власти появилось уже в институте? Или раньше всё-таки, ещё в школе?

АК: Нет, в институте, скорее. В отличие от многих, я протестовал не на пустом месте, потому что я старался хорошо учиться. У моей бывшей жены был хороший знакомый, даже жених, англичанин. И я через неё уже имел доступ к разным вещам. Здесь было всё довольно просто. По-русски это всё пресекалось, естественно, а по-английски – не очень. Так что я имел возможность получать информацию на английском языке. И вообще, я знал и интересовался историей партии. Причём в ней разбирался. Помню, что потом уже, когда мы с Тань *лаоши* (Тань Ао-шуан) приезжали в Ленинград, в музей Октябрьской революции в особняке Кшесинской, я её 6 часов «мурыжил» – пойдём, пойдём со мной в музей! (смеётся). Я помогал моей бывшей жене и её подружке готовиться к экзаменам по истории партии. Это же был очень важный экзамен, и у нас очень серьёзно к нему относились. Я им тоже голову морочил: рассказывал сначала, как было на самом деле, а потом – что надо говорить (смеётся).

АИ: А литературу на английском языке вы брали у того англичанина? Он специально привозил, или у него было?

АК: Нет, это было чисто случайно. Знаменитая история коммунистической партии *Шапиро*²³ – я её за три дня прочёл, у меня больше времени не было ей владеть. Я всем интересовался, и Оруэлла читал, и всё прочее. Своим знакомым и друзьям переводил с листа *Animal Farm*²⁴.

---

²³ *Леонард Шапиро*. История Коммунистической Партии Советского Союза. Франкфурт-на-Майне, 1961. Л. Шапиро был ведущим специалистом Лондонского ун-та по вопросам коммунист. политики, стал одним из основателей советологии.

²⁴ «*Скотский хутор*» (анг. *Animal Farm: A Fairy Story*). Изданная в 1945 г. сатирическая повесть-притча Джорджа Оруэлла, называемая также антиутопией. Аллегория на революцию 1917 г. и последующие события в России. Изображает эволюцию состояния

АИ: Почему тогда вас не заинтересовала китайская современность? Если у вас был такой заряд интереса к современной политической жизни, почему вы вдруг так резко ушли в древность?

АК: Современностью заниматься было сложно. В своё время у нас были рефераты по истории китайской литературы. Я делал доклад и какой-то текст (небольшую курсовую работу) написал про Ху Фэна²⁵, о котором у нас практически ничего не было известно. Кстати, вот современная китайская литература. Пытался с его письмами что-то делать, хотя читать китайские письма всегда очень трудно. В общем, как-то так.

АИ: На какие темы у вас были первые самостоятельные работы в институте? Курсовые, диплом?

АК: Курсовую работу 1-го курса я тоже докладывал на историческую тему. Она была посвящена истории железнодорожного транспорта в Китае. На первом курсе мы писали работы по экономической географии.

АИ: То есть вам её дали?

АК: Да. По крайней мере, сферу дали. А на 2-м курсе я китайской интонацией занимался. Экспериментальная фонетика. Это тоже произошло через моё восприятие своего положения. Потому что считалось, что если речь идёт о точных науках, то никто ничего плохого не скажет. А если в другие отрасли попадаешь, то попадаешь в проблемы идеологического свойства.

АИ: Мне кажется естественной эта ваша склонность к точному анализу, к точной научной методологии, к её применению в гуманитарных науках. Я считаю, что это ваше выдающееся достижение, что это наследие отца и, быть может, атмосферы семейной. Это так?

животных, изгнавших со скотного двора его предыдущего владельца, жестокого мистера Джонса, от безграничной свободы к диктатуре свиньи по кличке Наполеон. В повести показано перерождение революционных принципов и программ, т.е. постепенный переход с идей всеобщего равенства и построения утопии к диктатуре и тоталитаризму.

²⁵ Ху Фэн 胡风 (1902–1985). Китайский литератор, критик, поэт. Открыто выступал против идей Мао Цзэ-дуна о литературе и искусстве, в связи с чем был репрессирован. Реабилитирован в 1980 г. Автор сборников «Беседы о литературе», «О национальной форме» и др.

АК: Да, конечно. Я всегда любил своего отца и буквально поклонялся ему, его научным занятиям и всему остальному. У нас был даже «культ» его личности. Бабушка всё время говорила, какой выдающийся у неё сын. И я приучался к таким точным методам.

АИ: А почему тогда вы вообще не пошли в естественные науки?

АК: Потому что я Китаем заболел. Первоначально я собирался физиком быть. Но Китай всё перевернул!

АИ: Как Чернышевский «перепахал» Ленина, так вас – Китай? Скажите, беседовали ли вы с отцом о состоянии китайской науки? Не помните ли каких-то его суждений по поводу её специфики? Ведь он же встречался с китайскими учёными?

АК: Нет, не беседовали.

АИ: А он одобрил вашу «высокую болезнь» Китаем? Или ему это не нравилось?

АК: Не могу сказать, чтобы ему не нравилось. Он, кстати, тоже по своей натуре не был технарём. Он мечтал поступить в архитектурный институт. Но в то время с такими социальными корнями было трудно поступить, поэтому ему пришлось окончить химический техникум, в химический институт поступить. Ту роль, которую ему отводило общество, он выполнял как раз в лучшем виде.

АИ: А тема вашего диссидентства и спецслужб, это не всплывало? Вы не замечали, что где-то об этом известно? Не с точки зрения поощрения-наказания, а, может, наоборот, с точки зрения вербовки? Были предложения работать для органов?

АК: Были. Когда я кончал институт, меня вызвал к себе какой-то представитель КГБ и предлагал работу. Но я отказался. Я сказал, что не считаю себя способным принимать оперативные решения и так далее.

АИ: Наверное, вы беседовали об этом со своими соучениками. Как вам кажется, это всем предлагали «широким бреднем», или только каким-то особым людям?

АК: Ну, тогда не принято было на эту тему разговаривать. Так что я не знаю.

Мне показалось, что меня просто как отличника пытались приспособить.

АИ: К настоящему делу, а не «глупостями» заниматься?

АК: Ну, да.

АИ: А за диссидентство не «журили»?

АК: Нет.

АИ: Хорошо. Уже пошла у вас фонетика, после железных дорог, а дальше?

АК: Дальше была грамматика «вэньяневская». Я специально пристроился в ученики к Любове Дмитриевне Позднеевой.

АИ: Она вам преподавала?

АК: Она была моим научным руководителем. Руководителем курсовой работы на 3-м курсе. После этого я тоже писал по грамматике «вэньяневской», но уже у *Михаила Кузьмича Румянцева*²⁶. Позднеевой я не очень понравился.

АИ: У меня тоже произошло некоторое непонимание с ней, когда я сдавал ей экзамен по истории китайской литературы. Мне интересно сравнить свои впечатления с вашими! Кстати, о *вэньяне* – по каким книгам и авторам вы изучали грамматику *вэньяня*?

АК: Насчёт грамматики *вэньяня* – прежде всего, я пользовался *Добсоном*²⁷. У него есть соответствующие книжки по отдельным периодам китайского языка. Я очень тщательно их проработал. В основном это.

АИ: Как вы сейчас считаете, что является лучшим в этой области? Так Добсон и остался, или появилось что-нибудь лучшее?

---

²⁶ *Румянцев Михаил Кузьмич* (1922–2016). Китаевед, д.ф.н. (1968), профессор (1970). Засл. профессор МГУ (1998). Окончил МИВ (1951). Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1960), преподаватель МГИМО МИД СССР (1954–1955), ИВЯ/ИСАА МГУ (с 1960), завкафедрой кит. филологии (1964–1992).

²⁷ *Dobson W.A.C.H.* Late Archaic Chinese: a grammatical study. University of Toronto Press, 1959; *Dobson W.A.C.H.* Early Archaic Chinese. A Descriptive Grammar. Toronto: University of Toronto Press, 1962.

АК: Думаю, что на европейских языках остался Добсон всё-таки. Хотя там много к нему претензий предъявляют. Но это основательная вещь. И очень разумно изложенная.

АИ: Вы выпустили вместе с Тань Ао-шуан первую часть учебника по *вэньяню*²⁸. Там был анонс о второй-третьей частях, которые не вышли. Это «долгострой»? Всё уже «похоронено» или, наоборот, что-то есть?

АК: Пока не знаю, честно сказать. Частичные наработки были какие-то. Я кое-что делал для РГГУ, когда преподавал там девицам. Может быть, из этого ещё что-нибудь получится, не знаю. Мне, конечно, хотелось бы, чтобы что-то получилось! Но дело в том, что даже учебник *вэньяня* – он не очень «вписался» ко двору. Считают, что он слишком сложный и ещё чего-то. В общем, у меня был договор с издательством, но, тем не менее, они не стали его печатать. И когда коллеги интересовались – будет или не будет, они так и сказали, что это слишком сложно.

АИ: Вы имеете в виду, что не стали печатать продолжение?

АК: Нет, просто переиздание. О продолжении речи пока не шло.

АИ: А почему вы там какого-нибудь указателя не сделали, в этом учебнике? Ну как, например, у *М.В. Крюкова*²⁹ хотя бы? Полезная вещь была бы!

АК: Там был указатель. Чего-чего, а это там есть. По-моему.

АИ: Проверим! Так вернёмся к Позднеевой. Она *вэньянь* преподавала?

АК: Она историю китайской литературы преподавала.

АИ: Это я знаю. А *вэньянь* кто-нибудь преподавал?

АК: Мне никто не преподавал *вэньянь*. Я самостоятельно всё это (изучал).

АИ: Но вы сказали что на 3-м курсе Позднеева стала руководительницей вашей курсовой работы по грамматике *вэньяня*?

---

²⁸ *Каранетьянц А.М., Тань Ао-шуан.* Учебник классического китайского языка *вэньянь*. М.: Муравей, 2001. 384 с.

²⁹ *Крюков Михаил Васильевич* (1932 г.р.). Китаевед-историк, этнолог. Д.и.н. (1972), профессор. Окончил МГИМО МИД СССР (1955), Пекинский ун-т (1962). Академик Европ. Академии, почётный член Британского королевского антропологического ин-та. Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1957), Ин-та этнографии (с 1962), ИДВ РАН (с 2002). Профессор Тамканского ун-та (Тайвань, 1993–2002). Соавтор учебника: Крюков М.В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. М.: ГРВЛ, 1978. 512 с.

АК: Да, по памятнику «Ле-цзы»³⁰, по его структуре и прочему.

АИ: И как Позднеева к этому относилась? Она руководила реально? Ей было интересно? Или грамматика для неё в общем – это было дело десятое?

АК: Она непосредственно не руководила, я всё сам делал, по возможности.

АИ: Это тоже хороший вариант!

АКМ: Неплохой, конечно. Но тяжело.

АИ: А вам хотелось что-то от неё получить?

АК: Я всё время пытался что-то получить от своих коллег по части грамматики *вэньяня*. Но из этого ничего не получалось.

АИ: Ну, потому что они этим не занимались.

АК: Вот у вас, по-моему, где-то написано, что это такое «интуитивное» направление. Имеется текст, а почему и как (он написан), этого никто не знает. Я немножечко занимался *вэньянем* с *Борисом Львовичем Рифтиным*³¹, мы с ним переводили тексты. И было всё абсолютно то же самое. Что надо так понимать. А почему?

АИ: А собственно грамматистов вы встретили в лице кого? Только Яхонтова и потом Крюкова? Или кто-то ещё из грамматистов был вам известен?

АК: Яхонтов и Крюков, и всё. Правильно.

АИ: Меня лично вы «заразили», я бы признал, этим вашим «грамматизмом». Считаю, это абсолютно правильная позиция. А, кроме меня, кого-нибудь вы ещё «заразили»? Есть какие-то «больные на эту голову»?

---

³⁰ *Ле-цзы* 列子 – Название древнекит. книги, иногда применяется и в отношении её автора. Букв. перевод: «[Трактат] учителя Ле». По кит. традиции, восходит к философу и даосскому подвижнику Ле Юй-коу, жившему в эпоху Чжань-го (V в. – 221 г. до н.э.). В книге изложены представления даоской натурфилософии, онтологии и космологии. Особенно интересна гл. 7 – основной источник сведений о философе-агностике Ян Чжу (2-я пол. V в. до н.э. и 1-я пол. IV в. до н.э.).

³¹ *Рифтин Борис Львович* (1932–2012). Китаевед, литературовед, переводчик. Д.ф.н. (1970), академик РАН (2008). Окончил востфак ЛГУ (1955). Сотрудник ИМЛИ (1956–2012). Специалист по литературе Китая, стран Дальнего Востока и Центральной Азии. Труды по древнекит. мифологии, фольклорной традиции и средневековой лит. Китая.

АК: Не знаю, это сложный вопрос. *Крушинский*³², наверное, я бы его отметил.

А дальше уже, к сожалению, у меня никого нет!

АИ: Настоящих «буйных» мало. А ещё пару слов про Позднееву, потому что она, действительно, фигура яркая, интересная. Может, вы выскажете свои тогдашние впечатления и, может, какую-то уже постфактум оценку. Она, конечно, противоречивая и достойная обсуждения фигура.

АК: Она – личность, безусловно. Позднеева умела довольно увлекательно строить лекции и заражала своей убеждёностью. И потом, её личность как-то трансформировалась в личности её учеников. И среди них самый видный – это *Померанцева*³³.

АИ: Ну и *Ткаченко*³⁴ пошёл по этому же пути, между прочим.

АК: Ткаченко – тоже её ученик.

АИ: Вы сказали, что вспомнилось что-то ещё, дополнительное к тем вопросам, которые мы обсуждали.

АК: Да, по поводу оснований, на которых я работал. Здесь есть две вещи. Первая заключается в том, что мне представляется важной история опубликования моих работ. Моя курсовая работа 2-го курса была рекомендована в печать кафедрой китайской филологии. Но, к сожалению, она вышла лишь через 10 лет, когда уже совсем устарела. И тут есть некоторая забавная история! Дело в том, что моя работа была посвящена экспериментальной фонетике. А лаборатория экспериментальной фонетики была в то время только в Институте иностранных языков имени М. Тореза. Это было единственное место. Там был такой профессор Артёмов, и я как-то пытался участвовать в их семинаре. Профессор Артёмов, узнав, что я

---

³² *Крушинский Андрей Андреевич* (1953 г.р.) Китаевед. Окончил ИСАА при МГУ (1975). К.и.н. (1984), д.филол.н. (2006). Сотрудник ИМРД (1978–1979), ИВ АН СССР (1983–2007), ИДВ РАН. Преподавал в РГГУ. Исследователь *И-цзин* (Книги Перемен).

³³ *Померанцева Лариса Евгеньевна* (1938–2018). Китаевед, к.ф.н. (1972), доцент (1988). Окончила ИВЯ МГУ (1964). Стажёр Пекинского ун-та (1962–1963). Преподаватель ИВЯ/ИСАА МГУ (с 1965). Исследователь древнекитайского памятника «Хуайнаньцзы».

³⁴ *Ткаченко Григорий Александрович* (1947–2000). Китаевед, к.ф.н. (1982). Окончил ИВЯ МГУ (1970). Преподаватель кит. языка (1970–1984). Сотрудник ИВ АН СССР (1974–1976, 1984–1991), Ин-та философии АН СССР (1991–1995). Завкафедрой вост. языков (с 1991), директор-организатор Ин-та культурной антропологии РГГУ.

интересуюсь структурализмом, сказал: «Мы вам поручим критику структурализма».

АИ: А сам он был специалист по каким языкам? Он с китайским никак не связан?

АК: Нет, никак не связан. После этого я перестал там появляться вообще. И во всех публикациях, которые были тем или иным образом связаны с Артёмовым, для меня был путь закрыт. Вот, это одна забавная история.

АИ: История очень интересная, но смысл не вполне ясен. А почему они сами не могли с этим разобраться, зачем им нужен был «варяг», причём молодой человек, и ещё из специального вуза? Какой в этом смысл?

АК: Это имело воспитательное значение. Они собирались воспитывать этого самого молодого человека.

АИ: А, «замазать кровью», понятно, понятно. Принимали в банду...

АК: Ну что делать! К сожалению, у нас всё так было в относительной мере. Ещё я хотел добавить, что у меня просто по природе своей были какие-то диссидентские наклонности. И когда я вернулся сюда, я начал интересоваться современной живописью и прочими вещами. В то время это было просто совершенно пустое место. И тут как раз повезло, потому что Библиотека иностранной литературы организовала выставку книг, посвящённых Матиссу. Я ходил на эту выставку тоже достаточно вызывающе, с подружкой. Я дружил с девочкой из нашего класса. И как-то так приобщался к искусству. В это время всё было очень глухо в этом отношении современного искусства. И французская выставка, которая в то время организовалась, и американская выставка – они играли значительную роль. И я тоже посещал эти выставки.

АИ: Но Матисс был всё-таки представлен в музее Пушкина...

АК: Да, Матисс был представлен в музее Пушкина, и меня ещё моя мама водила смотреть на этого Матисса. Но это было буквально несколько работ на всё огромное протяжение выставочных пространств.

АИ: А ещё была тогда знаменитая выставка Пикассо. По-моему, его привезли...

АК: Это намного позже.

АИ: Позже, да. Насчёт публикаций – действительно, какая-то тяжёлая судьба у ваших работ. Мы сейчас готовим ваше собрание сочинений в 2-х томах³⁵, хотя это вещи, написанные уже достаточно давно. И ещё, попутно, вопрос про фонологическую лабораторию. Ведь этим же занимался Румянцев!

АК: Первоначально её не было. Она потом организовалась. Сначала Румянцев тоже с Артёмовым кооперировался, а потом уже свою собственную лабораторию организовал в 1962 году.

АИ: А вы потом принимали участие её работе?

АК: В какой-то мере принимал в ней участие, потому что у меня и курсовая работа 2-го курса, а потом и кандидатская диссертация были по экспериментальной фонетике.

АИ: А почему вы сделали шаг от фонетики. Действительно, тут видится логика между увлечением музыкой и фонетикой. Вы вдруг перешли к структуралистике и к грамматике. Мы говорили о грамматике в *вэньяне*. В некотором смысле эти вещи даже противоположные, потому что одно связано со звуком, а другое связано со зрением и с пространством. Это даже разные функции человеческого мозга. Как вы сами на это смотрите?

АК: Я выбрал экспериментальную фонетику исходя из той основной предпосылки, что можно заниматься только вещами, которые могут быть каким-то образом выверены. Я очень боялся всяких идеологических наслоений, поэтому и выбрал фонетику в качестве своей отрасли, до определённого момента. А потом я уже занимался грамматикой. Это тоже, в общем, наука достаточно неидеологизированная. Для меня это было важно.

АИ: Может, причина в том, что для фонетики нужны специальные приборы, а грамматикой можно заниматься без приборов, самому?

---

³⁵ *Каранетьяниц А.М. У истоков китайской словесности: собрание трудов. М.: Вост. литература, 2010. 478 с.; Он же. Раннекитайская системология. М.: Наука-Вост. литература, 2015. 564 с.*

АК: Может быть. Но это не столь важно, с моей точки зрения.

АИ: Но ведь вам всё-таки понадобилась лаборатория, а оказалось, что доступа к ней нет. А для занятий грамматикой никакой лаборатории не надо.

АК: Доступа не было для публикаций, а эксперименты свои я проводил. И всё это пошло «псу под хвост». Я занимался интонацией текста, и как-то так получилось, что свою кандидатскую диссертацию я делал на основании данных, полученных из электронно-вычислительных машин в Лаборатории электро моделирования Всесоюзного института научной информации. Потом я изучал длительность, и вся моя кандидатская диссертация посвящена длительности звучания китайского слога. У меня ещё были данные по частотам слогов. Я собирал их, но всё это пропало.

АИ: Как пропало, почему? Поподробнее, пожалуйста!

АК: Пропало потому, что «гамма-барабан» – французская машина первого поколения, на которой я работал в ВИНТИ (Всесоюзный институт научной и технической информации), была упразднена. Я пытался перебросить её в лабораторию экспериментальной фонетики, но ничего из этого не получилось. Дело в том, что она потребляла энергию в 16 киловатт, и это было невозможно для Московского университета – это энергия 16-ти чайников.

АИ: То есть там у вас были уже зафиксированы некоторые конкретные данные. А какую речь вы, собственно, обследовали? Кто у вас говорил? Откуда вы её брали?

АК: Часть было дикторских текстов, часть – записи публичных политических выступлений.

АИ: Данные эти пропали. А обобщение и результаты анализа этих данных – они сохранились?

АК: Нет.

АИ: И результаты не сохранились? А кандидатская что же?

АК: Это по поводу длительности слов, слогов, предложений.

АИ: А интонация – это в предложении?

АК: Ну, да.

АИ: И что, это всё невосстановимо уже никак?

АК: Это всё просто уже устарело. Сейчас синтез речи очень развит. Эти все вещи – они представляются уже достаточно первобытными.

АИ: А ваша кандидатская – она вообще публиковалась?

АК: Да, она была опубликована в виде 3-х статей.

АИ: А докторская?

АК: Докторская опубликована в виде одной большой статьи и частично вошла в некоторые другие публикации.

АИ: А вот ещё такой исторический момент. Ваша первая большая статья была опубликована в Тартуском сборнике. А в те времена считалось, что это очень элитарный структуралистский сборник. Как вы туда попали?

АК: Я туда попал, потому что был одним из, если так можно выразиться, «отцов-основателей» всего этого дела. Дело в том, что при Тартуском университете была организована востоковедческая конференция, ей руководил такой доктор *Нурмекунд*³⁶ из Тартуского университета. И мой знакомый, впоследствии работник архива мюнхенской радиостанции «Свобода», порекомендовал мне принять участие в этой конференции. Я написал письмо, что желаю участвовать в этой конференции, и участвовал в ней. Это был 1964-й год. Причём я имел наглость поехать туда со своей только что обручённой женой, и там участвовал в этой конференции. Впоследствии на основании этой конференции уже была создана группа семиотики. Хотя я больше не принимал участия в этом деле, но все публикации этой группы мне высылались.

АИ: А почему вы не участвовали больше?

АК: Не знаю, как-то руки не доходили.

---

³⁶ *Нурмекунд Пент Пеэтович* (1906–1996). Эстонский востоковед, лингвист-полиглот (знал не менее 50 языков, в т.ч. более 20 восточных). Магистр филологии (1935), к.ф.н. (1968). Окончил филос. фак-т Тартуского ун-та (1933), учился за рубежом (1934–1940: Дания, Франция, Швеция, Германия). С 1955 г. работал в ТГУ, создатель и сотрудник Кабинета востоковедения ТГУ. Преподавал араб., хинди, кит., яп., индонез., тур. и др. языки.

АИ: Из наших коллег там, по-моему, *Е.В. Завадская*³⁷ участвовала.

АК: Да.

АИ: А сотрудник этого архива «Свободы», кто он? Мне известен только один сотрудник – наша бывшая коллега Занегина.

АК: Был там такой *Гарик Суперфин*³⁸. Мы жили рядом.

АИ: Ну, это известный диссидент! А дальше вы в основном публиковались в «Обществе и государстве в Китае»?

АК: Да.

АИ: Где ещё вы издавали важные для себя публикации?

АК: Формально первой публикацией были тезисы, которые опубликованы в материалах международного фонологического конгресса в Мюнстере в 1965 году. Моя работа была включена в число докладов на этом конгрессе с советской стороны. Это тезисы, которые имеют отношение к моей курсовой работе 2-го курса. А дальше для меня была очень важной публикация в сборнике «Ранние формы искусства», где я опубликовал статью о первых памятниках письменности Китая, её связанности с орнаментами и так далее. Это, наверное, была первая серьёзная публикация моя, если не считать совместных публикаций по дешифровке киданьского письма и археологии – но это уже совсем другая история. И я очень признателен за то, что она оказалась возможной.

АИ: А кто вам конкретно в этом помогал? Или вы просто «самоходом» туда пришли?

АК: Мне помогал в этом отношении *Сергей Неклюдов*³⁹ (отчества не помню).

---

³⁷ *Завадская Евгения Владимировна* (1930–2002). Китаевед, искусствовед, переводчик. Канд. искусств. (1962), д.филол.н. (1983), профессор. Окончила истфак МГУ (1953). Сотрудник Музея вост. культур (1950–1954), ин-та философии (1954–1957), ИВ АН СССР (с 1957). Преподавала в ин-те им. В.И. Сурикова. В 1990-х гг. работала на Тайване.

³⁸ *Суперфин Габриэль Гаврилович* (1943 г.р.). Филолог, участник правозащитного движения в СССР. В 1964–1969 гг. учился на ист.-филол. фак-те Тартуского ун-та. Ученик профессора Ю.М. Лотмана. Отчислен по представлению КГБ. В 1983 г. эмигрировал из СССР, жил в Германии. Сотрудник Архива Самиздата радио «Свобода» (1984–1994). Архивариус Ин-та изучения Вост. Европы Бременского ун-та (1995–2009).

³⁹ *Неклюдов Сергей Юрьевич* (1941 г.р.). Востоковед, д.ф.н. (1985), окончил филфак МГУ (1965). Сотр. изд-ва «Искусство» (1965–1966), Главной редакции восточной лит-ры изд-ва

АИ: Да, тоже известный учёный.

АК: Да, он фольклорист известный.

АИ: По-моему, в этой же серии был и второй сборник с вашей статьёй про искусство? Может, вы скажете пару слов? Ведь очень интересно, что эти ваши идеи нашли подтверждение в новейших археологических находках в Китае, которые связаны с удревнением истории китайского письма и, в общем, с той тематикой, которую в последнее время активно разрабатывают и у нас! И ваш, так сказать, наставник *Деоник*⁴⁰, и ваш ещё один, можно сказать, ученик, *Ульянов*⁴¹. Вместе. Может, вы скажете пару слов на эту тему?

АК: Не знаю даже, что сказать. Просто в один прекрасный момент до меня дошло, что первоначальное письмо совсем не обязательно должно быть жёстко связано с языком. Это была отдельная система передачи, фиксации, организации информации. И об этом шла речь в моих публикациях, в том числе и в той, которая была в «Ранних формах искусства».

АИ: Но ведь это очень сильный результат! Это, действительно, результат на уровне естественных наук, связанный с предвидением некоторых вещей. Потому что то, что эти авторы квалифицируют как протописьмо – это в общем некоторый гипотетический вопрос. То ли это система каких-то условных знаков, типа «тамга». То ли это какие-то рисунки, и они их прочитывают. И это то самое общее направление мысли, которое вы там и выразили!

АК: Да, конечно. И специфика этих первоначальных обозначений лишний раз свидетельствует о том, что «классический» аспект появляется достаточно поздно.

«Наука» (1966–1969), ИМЛИ АН СССР (с 1969). Исследует эпические традиции Монголии и других народов Центральной Азии, связи Востока и Запада в Средние века.

⁴⁰ *Деоник Дега (Дмитрий) Витальевич* (1932 г.р.). Востоковед, д.и.н. (1996). Окончил истфак МГУ (1956), преподаватель ИСАА МГУ. Область исследований: соц.-эк. история ЮВА, применение мат. методов в ист. исследованиях, археология и текстология древнего Китая, археология юга России.

⁴¹ *Ульянов Марк Юрьевич* (1966 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1996), доцент ИСАА МГУ (2008). Окончил ИСАА при МГУ (1992). Завкафедрой кит. филологии ИСАА МГУ.

АИ: Очень интересно у нас пошёл разговор о двух аспектах культуры. Ваши личные интересы к музыке и к визуальным искусствам (к живописи) реализовались в таких исследовательских направлениях. И они, в общем, определяют главную проблему, связанную с изучением китайской культуры: это музыка – государство музыки, и государство *вэнь* – знаков, письменности, рисунков и каллиграфии иероглифов. В этой связи есть ещё одна проблема и полемика, связанная опять же с Л.Д. Позднеевой, с её теорией ораторского искусства, этапа ораторского искусства⁴². У вас была публикация 1974 года, которую вы сами квалифицировали как некий критический отзыв на эту теорию. А первым с ней начал резко полемизировать *Виталий Рубин*⁴³. Может, вы вспомните что-нибудь об этой полемике? Тем более, что вы работали в институте, где стандартным учебником была история литературы Древнего Востока, в котором и была изложена эта теория.

АК: Да. К теории этой я всегда относился с большим сомнением. Но не знаю, как это сформулировать лучше.

АИ: Вы там писали, что часть аргументов Позднеевой – действенные. Интересно, а аргументы Рубина звучали для вас убедительно?

АКМ: Да, конечно. Мы даже с ним немножечко сотрудничали.

АИ: Да?! Вы были знакомы? Расскажите!

АК: Конечно, я был с ним знаком. И это было в некоторой степени драматической ситуацией. Дело в том, что на одной из конференций Позднеева позволила себе высказывание о том, что *Кроль*⁴⁴ – не марксист. Это звучало как политический донос, и все были жутко возмущены. Рубин, в

---

⁴² См.: Позднеева Л.Д. Ораторское искусство и памятники древнего Китая. // Вестник древней истории. 1959. № 3. С. 22–43.

⁴³ Рубин Виталий Аронович (1923–1981). Китаевед, к.и.н. (1960). Окончил истфак МГУ (1951). Преподавал русский язык кит. студентам в Ин-те с/х (г. Новочеркасск, 1951–1952), референт по литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (1953–1968). Сотрудник ИВ АН СССР (1969–1972). Профессор Иерусалимского ун-та (1976–1981). Изучал историю философии древнего Китая.

⁴⁴ Кроль Юлий Львович (1931 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992). Окончил востфак ЛГУ (1951). Вед. науч. сотр. ИВР РАН. Сотрудник ЛО ИВ АН СССР / ИВР РАН (с 1957). Специалист по древней истории Китая.

частности, предлагал мне написать вместе с ним отрицательную рецензию на переводы самой Позднеевой. Естественно, я от этого отказался, потому что Позднеева – мой учитель всё-таки. И я до сих пор считаю, что хотя, в общем, её переводы очень оригинальны, но они вполне обоснованы.

АИ: Они неплохие очень!

АК: Очень неплохие.

АИ: На мой взгляд, Малявин совершенно не превзошёл.

АК: Не превзошел её хотя бы потому, что он сложные места просто опустил.

АИ: Совершенно верно!

АК: А она всё честно сделала!

АИ: Согласен. А в связи с чем была такая реакция по Кролю?

АК: Этого я не помню. Но это было похоже на Позднееву.

АИ: Я почему-то вступил сейчас в такую фазу, что мне приходится писать критические статьи о коллегах. Я осмысливаю, почему это случилось с талантливыми людьми, и стал думать – а есть ли какие-то альтернативы тому, чтобы в объективно сложных условиях всё-таки сохранить стандарты научности. И стал вспоминать о фигурах, которые не пошли на компромисс. Вас я считаю такой фигурой. А вторым мне пришёл в голову Кроль. Его двухтомник «Янь те лунь»⁴⁵ – это последний такой стандарт синологический, переводческий, который у нас есть. Может, вы кого-то ещё назовёте из более-менее современных людей, на кого равняться?

АК: Не знаю. Вот Ульянов, например, он относится к этой категории, безусловно.

АИ: Да, согласен.

АК: Л.С. Переломов⁴⁶ в своей «Шан цзюнь шу»⁴⁷ тоже очень хороший уровень показал.

---

⁴⁵ Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь) [Текст]: [в 2 т.]. / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Ю.Л. Кроля. Москва: Восточная литература, 2001.

⁴⁶ Переломов Леонард Сергеевич (1928–2018). Китаевед, д.и.н. (1970), профессор. Окончил МИВ (1951). Сотрудник ИК АН СССР (с 1955), ИДВ РАН (с 1971). Президент Русского конфуцианского Фонда, член Правления Междун. Конфуцианской Ассоциации. Исследовал древнекит. философию: легизм, конфуцианство и др. Засл. деятель науки РФ.

АИ: Как раз сейчас предметом моего внимания стал Переломов.

АК: Это я знаю.

АИ: И это меня как-то особенно насторожило. Я на самом деле увидел там две вещи, даже некоторые подтасовки. Ему нужно было показать, что два главных направления истории древнекитайской философии – это не как в стандарте – конфуцианство и даосизм, а конфуцианство и легизм. В частности, ему нужно было показать, что Мэн-цзы критиковал «Шан цзюнь шу». Но у Мэн-цзы об этом ничего не сказано.

АК: Действительно, ничего.

АИ: Да. Впервые эту идею высказал у нас Рубин как раз. И понятно, для чего это было нужно, потому что он проводил аллюзии с советской властью, с фашизмом, у него были политические мотивы. А Переломов – в своей публикации «Шан цзюнь шу» честно указал на то, откуда он взял эту информацию. А во всех последующих публикациях Рубин исчез, и эта сформулированная идея была представлена как его собственная. И если это можно понять в книге 1981 года, то в публикациях 2013 года это уже необъяснимо и недопустимо, на мой взгляд.

АК: Я с вами полностью согласен.

АИ: Как вы считаете, что самое существенное, важное вы открыли в своих исследованиях китайской фонетики?

АК: Конечно, мне трудно здесь так говорить. Думаю, это то, что я впервые начал изучать интонацию текста, а не отдельных слогов, отдельных фраз, отдельных сочетаний, отдельных слов. Впоследствии *Тамара Павловна Задоевко*⁴⁸ осуществила такой же подход и опубликовала довольно основательные работы. Она тоже была моей учительницей. К сожалению, ей

---

⁴⁷ Книга правителя области Шан. / Пер. и комментарии Л.С. Переломова. М.: Наука. 1968. 351 с.

⁴⁸ *Задоевко Тамара Павловна* (1924–1993). Китаевед-филолог, к.ф.н. (1955). Окончила МИВ (1951). Преподаватель филфака МГУ (1956), ИСАА МГУ (с 1956). Автор известного учебника: *Задоевко Т.П., Хуан Шуин*. Учебник китайского языка. М., 1973. 755 с.

не удалось защитить докторскую диссертацию. А она хотела защищать диссертацию по этому делу.

АИ: А почему не удалось? По субъективным или по объективным причинам?

АК: Субъективные или объективные причины здесь были – не мне судить, Это длинная история, на самом деле. Когда я соединял свою жизнь с Тань Ао-шуан, возникли очень большие проблемы в институте. Две дамы, Тамара Павловна Задоевко и *Рождественская*⁴⁹ – они решили меня спасти от страшной иностранки. И там была история о том, что я свою жену бывшую «повредил».

АИ: «Повредил» психически или физически?

АК: Физически. И это всё было превращено в своего рода скандал. А когда Задоевко собиралась защищаться, то Михаил Кузьмич Румянцев выступил резко отрицательно. У него могли быть основания для этого, потому что работа была, с одной стороны, пионерской, с другой стороны – достаточно примитивной. Тем не менее, и меня тоже мобилизовали против Тамары Павловны Задоевко. По большому счёту, это была совсем не такая уж особенно плохая работа. Думаю, суть дела была в том, что Т.П. Задоевко пыталась занять на кафедре какое-то место, соответствующее месту Михаила Кузьмича Румянцева. Только потом я это понял. Так что это довольно грустная история, а Т.П. Задоевко была моей первой учительницей. Она у нас на 1-м курсе со своей любимой гитарой учила тонам. Но я так и остался со своей принципиальной позицией. А Евдокия Ивановна Рождественская потом каялась, неоднократно со мной беседовала о том, что они неправы были, что у нас серьёзные чувства и всё достаточно серьёзно. Не то, что какая-то престарелая «коварная иностранка» пытается «охомутать» молодого, талантливого и наивного.

АИ: А это так было принято на кафедре – вмешиваться в сугубо личные дела?

Или это особый случай?

---

⁴⁹ *Рождественская (Молчанова) Евдокия Ивановна* (1922–2014). Китаевед, преподаватель, переводчик. К.ф.н. (1963), доцент (1974). Окончила МИВ (1947). Преподавала в МИВ (1947–1948, 1950–1954), ИВЯ/ИСАА МГУ (1956–1986).

АК: Ну, что значит «принято»? В советской традиции в достаточной степени «принято». А на нашей кафедре – тем более. У нас всё время были какие-то пертурбации. Меня вызывали [на проработки]... До этого был такой Матков, с которым боролись тоже. На этом самом Маткове Позднеева пострадала, в результате чего она лишилась руководства кафедрой.

АИ: Матков был сотрудником кафедры? И как пострадала Позднеева?

АК: Да. Его уволили за профнепригодность, после чего он стал членом аттестационной комиссии при министерстве образования и «заваливал» всех представителей нашей кафедры. Так, по крайней мере, мне докладывали.

АИ: И он завалил Позднееву как заведующую кафедрой?

АК: Нет, просто Позднеева лишилась своей должности в результате этого скандала.

АИ: И кто после неё стал заведовать кафедрой?

АК: После неё был *Алексей Петрович Рогачёв*⁵⁰, переводчик «Речных заводов»⁵¹.

АИ: Я был с ним знаком и, по наводке Рифтина, приобретал у него книги для библиотеки. Это меня крайне удивило, потому что у него же был сын – китаист, посол⁵². И почему он отдавал китаистические книги в чужие руки? Я с удовольствием их брал, но удивлялся. И через короткое время после этого расставания с библиотекой он ушёл в лучший мир. А Позднеева – это оставление ею должности произошло задолго до её кончины?

АК: Оставление должности произошло, по-видимому, в 1959 году.

---

⁵⁰ *Рогачёв Алексей Петрович* (1900–1981). Китаевед-филолог, дипломат, переводчик. Окончил МИВ. Сотрудник генконсульства СССР в г. Урумчи (1928–1934). Сотрудник отдела информации генконсульства СССР в г. Харбин (1936–1939). Преподаватель в МИВ (с 1939).

⁵¹ *Речные заводы* 水滸傳 – роман XIV в., один из четырёх классических китайских романов. Основан на народных сказаниях о подвигах и приключениях 108 «благородных разбойников», повстанцев из лагеря Сун Цзяна на горе Ляншаньбо (пров. Шаньдун) в правление Хуэй-цзуна (1124–1127), 8-го императора династии Сун. Автор Ши Най-ань 施耐庵. Первый в истории роман в жанре уся (о подвигах воинов-храбрецов).

⁵² *Рогачёв Игорь Алексеевич* (1932–2012). Китаевед, д.и.н. Дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и РФ. Посол РФ в КНР (1992–2005). Член Совета Федерации ФС РФ (2005–2012).

АИ: Совсем давно! Это старая история.

АК: Когда я поступал, заведующим уже был Рогачёв. А сама Позднеева умерла в 1974 году.

АИ: А вот её выступления, действительно, такие – пылкие. Она же была ученицей *Алексеева*⁵³, а потом и на Алексеева «бочку катила», почему-то с политическим оттенком, насколько я понимаю. Она искренне всё это считала правильным?

АК: Думаю, что да. Она была такой убеждённой марксисткой, борцом за прогрессивное китайское отношение к делу.

АИ: Странно, почему при таком политизированном темпераменте она погрузилась в тонкие материи даосизма (Ле-цзы, Чжуан-цзы). Продолжала бы *Лу Синем*⁵⁴ или какими-нибудь другими революционными писателями заниматься! У вас есть на это какое-то объяснение?

АК: Есть, конечно. Она видела в этом материализм, диалектику и всё, так сказать, любимое ей. Она пыталась найти его в этом материале, что-то находила, конечно.

АИ: Это удивительно. Нам сейчас кажется, что это (материализм, диалектика) было лишь прикрытием для публикации всего этого. А, оказывается, это искреннее заблуждение!

АК: Конечно, она была искренне убеждена, и я могу свидетельствовать, что она была человеком принципиально устроенным.

АИ: Может, у вас есть и какие-то воспоминания по поводу полемики между *Конрадом*⁵⁵ и *Эйдлиным*⁵⁶? Или участием Позднеевой, похоронами Конрада и

---

⁵³ *Алексеев Василий Михайлович* (1881–1951). Китаевед (литературовед, историк, знаток культуры Китая). Окончил фак-т вост. языков Петербургского ун-та (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904–1909). Академик АН СССР (1929). Преподаватель СПбУ/ЛГУ (1910–1951). Сотрудник Азиатского музея / ИВ АН СССР (1902–1951). Член ам. Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947).

⁵⁴ *Лу Синь 魯迅* (1881–1936). Китайский писатель. Считается основоположником современной кит. литературы. Наиболее известные произведения: «Подлинная история А-Кью», «Дневник сумасшедшего» и др.

⁵⁵ *Конрад Николай Иосифович* (1891–1970). Востоковед, японист и китаевед. Окончил кит.-яп. отделение Петербургского ун-та (1912). Учился в Японии (1914–1917). Профессор

разговорами о том, что Эйдлин свёл его в могилу? Вспоминается ли из всего этого что-нибудь яркое?

АК: Вспоминается. Было заседание в Институте востоковедения, посвящённое смерти Конрада. Я там был. И было, действительно, очень впечатляющим выступление академика *Жирмунского В.М.*⁵⁷, который обвинил Эйдлина в том, что это он свёл в могилу Конрада. Я этому свидетель. А что касается сути дела, то я, в общем, на стороне Эйдлина, а не на стороне Конрада.

АИ: Конечно, это так. Хорошо, возвратимся к вашим студенческим годам. Мы коснулись изучения фонетики, их отражения в курсовой, а дальше? Какими были следующие курсовые и прохождение старших курсов?

АК: Следующие курсовые у меня были по вэньяневской грамматике. Сначала это было по поводу «Го юй». Я изучал распределение слов-предлогов. А потом я уже занимался проблемой аутентичности текста «Ле-цзы». По поводу аутентичности текста «Ле-цзы» у меня как раз публикация в тартуском сборнике, посвящённом востоковедению. А работы по «Го юй»⁵⁸ были потом тоже опубликованы в разных сборниках по востоковедению⁵⁹.

АИ: Это внешняя, известная нам сторона вашей биографии. А, может, были внутренние мотивы – как вы на эти темы выходили? Вы сами шли, как и раньше в своей жизни, или кто-то вам помогал, что-то увлекало? Я знаю вас

(1926), д.ф.н. (1934, без защиты). Академик АН СССР (1958). Лауреат гос. премии СССР (1972). Сотрудник ИВ АН СССР (1931–1970). Профессор МИВ (1941–1950). Автор более 300 работ. В июле 1938 г. арестован как «японский шпион», осуждён на 5 лет заключения, освобождён в сентябре 1941 г.

⁵⁶ *Эйдлин Лев Залманович* (1909/1910–1985). Китаевед, литературовед, д.ф.н. (1969), профессор (1969). Окончил МИВ (1937). Преподавал в МИВ (1937–1941) и ВИИЯ (1941–1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1944–1957, 1959–1985), Ин-та китаеведения (1957–1959). Член Союза писателей СССР (с 1950). Засл. деятель науки РСФСР (1980).

⁵⁷ *Жирмунский Виктор Максимович* (1891–1971). Лингвист и литературовед, д.ф.н., профессор (1956), академик АН СССР (1966). Почётн. член Баварской, Британской, Саксонской и др. академий, почётн. доктор многих ун-тов, в т.ч. Оксфорда (1966).

⁵⁸ *Го юй 國語* («Речи царств», «Речи [имевшие место в разных] царствах») – сборник речей правителей и сановников X–V вв. до н.э., составлен в конце V–IV в. до н.э.

⁵⁹ См. переиздания этих работ о «Ле-цзы» и «Го юй»: *Каранетьяну А.М.* У истоков китайской словесности: собрание трудов. М., 2010. С. 273–314.

как человека очень живо реагирующего на какие-то свежие публикации, мысли. Может, и там что-то такое было?

АК: Честно говоря, моя дальнейшая научная деятельность определялась возможностью публикаций. Если какой-то сборник организовывался и я мог написать статью, то я старался, соответственно, написать статью. В ежегодных сборниках «Общество и государство» я тоже старался участвовать каждый раз, когда была возможность опубликоваться. А темы для публикаций я определял сам. Как-то так получилось, что я опубликовал такие статьи. Не знаю, у меня какой-то генеральной линии здесь не было. Единственная генеральная линия – это как бы прославление Китая. И я её придерживался всю свою жизнь. Особенно это было важно, когда были очень плохие отношения между СССР и Китаем.

АИ: Кстати, как те отношения сказались на внутренней жизни ИВЯ, кафедры конкретно? Были какие-то связанные с этим события? Людей увольняли или, наоборот, набирали? Может, к чему-то вас принуждали?

АК: Ничего такого не было. Единственное, что было – это скандальная история с Тань Ао-шуан и парткомом ИСАА. Они тогда придрались к тому, что она пыталась заказать себе китайские публикации, которые были включены в официальный каталог Союзпечати. Там были по этому поводу высказывания со стороны партийного секретаря ИСАА – что, мол, делается не то, что надо. Но потом всё это ему же самому хуже и обошлось.

АИ: По-моему, Тань Ао-шуан стала работать в ИСАА с 1966 года? А как она туда попала?

АК: Она пришла в ИСАА с радио. Она на радио работала. В это время было решено организовать преподавание шанхайского диалекта, а она была единственным специалистом по этой части. Под этим «соусом» её приняли на должность старшего преподавателя ИСАА.

АИ: Кстати, можно ли сказать пару слов про историю преподавания разных диалектов? Сейчас их кто-то преподаёт? Тань Ао-шуан их действительно преподавала, или это был «соус»?

АК: Она готовилась. Я видел её записи и всё остальное. Но, по-моему, так из этого ничего и не получилось.

АИ: А кто был инициатором этого всего? Кто был тем мудрым человеком?

АК: Румянцев, по всей видимости. Он был тогда заведующим кафедрой.

АИ: Уже тогда? Как фонетисту, наверное, ему это интересно было.

АК: Ну, тогда было какое-то указание сверху, не просто так.

АИ: Да, конечно. А вообще, как вы считаете, это нужно делать сейчас? Если бы вы были директором – имеет смысл это вводить?

АК: Я считаю, что нет.

АИ: Почему?

АК: Это очень частный вопрос, на самом деле. Непонятно, какими диалектами надо заниматься. Шанхайским, кантонским или каким-нибудь ещё. В самой КНР имеется такое «наддиалектное» средство общения как *путунхуа*. И эти все подробности, на самом деле, не нужны. Дай бог, чтобы с *путунхуа* справиться!

АИ: Насколько мне известно, у нас диалектами в основном занималась Завьялова.

АК: Да. И ещё такой *Алексахин*⁶⁰ есть.

АИ: Значит, она пришла в ИСАА старшим преподавателем. А вы там уже тоже преподавали?

АК: Да. Но сначала, когда она пришла, я был ещё в аспирантуре. Потом, уже с 1969 года, я тоже начал преподавать там достаточно активно.

АИ: На мой взгляд, вы – прирожденный учёный-исследователь. Но вся ваша жизнь прошла в учебном заведении, где вы были педагогом. Почему вы выбрали именно этот путь? Может, вас как раз «приманило» присутствие там Тань Ао-шуан?

АК: Нет. Я выбрал этот путь ещё до этого, и у меня не было ничего другого. Вообще, я рассчитывал заниматься научной работой, а мой учитель Дега

---

⁶⁰ *Алексахин Алексей Николаевич* (1947 г.р.). Китаевед, к.ф.н. (1981), профессор. Преподаватель вузов (с 1970), МГИМО(У). Окончил ВИИЯ (1970), стажёр Наньянского ун-та (Сингапур, 1975). Исследователь кит. диалектов, в т.ч. диалекта «хакка».

Витальевич Деопик оказался одним из организаторов *ИНИОНа*⁶¹. Он, в частности, хотел взять меня туда после института на должность старшего научного сотрудника. Но потом из этого ничего не получилось, и я оказался преподавателем ИСАА.

АИ: А почему не получилось? Кстати, ИНИОНОм руководил, хоть и недолго, прогрессивный *Лев Петрович Делюсин*⁶², который всю брал туда всяких диссидентов и евреев.

АК: Недолго руководил. Потом всё кончилось, а Деопик, очевидно, не подсуетился вовремя. В результате, он остался ни при чём, и я остался ни при чём.

АИ: Помню, что и я с вами вёл какие-то разговоры, когда уже работал у нас в отделе. И с Делюсиным я тоже вёл их. Мне казалось, что вас надо переманить к нам в отдел, чтобы вы побольше писали. Но вы как-то не проявили интереса со своей стороны.

АК: Я как-то уж привык к этому, к преподаванию в ИСАА.

АИ: Сейчас, с точки зрения ретроспективы и умудрённости, вам не кажется, всё-таки, что много сил было потрачено впустую на вот этих «оболтусов», которых я сам наблюдал, которым *вэньянь* ни на фиг не нужен был. Конечно, их тоже можно понять, они, в большинстве своём, ориентировались на совсем другие жизненные пути. Редко попадались заинтересованные люди, действительно.

АК: Это несколько упрощённый взгляд на вещи. Дело в том, что результаты исследований очень неплохо обговорить в аудитории. Причём самые основательные результаты – достаточно простые, а по реакции людей можно судить о том, насколько это всё обосновано. Я считаю, что педагогическая деятельность может быть очень важной для учёного. Это возможность

---

⁶¹ *ИНИОН* – Институт научной информации по общественным наукам АН СССР. Основан в 1968–1969 гг. на базе академической Фундаментальной библиотеки по обществ. наукам.

⁶² *Делюсин Лев Петрович* (1923–2013). Китаевед, д.и.н. (1971). Участник Великой Отечественной войны (1942–1944). Спецкор газеты «Правда» в КНР (1950–1953). Отв. работник ЦК КПСС (1959–1965). Сотр. и завотделом Китая ИВ АН СССР (1967–1990).

сформулировать то, что он думает, и довести до студентов в непосредственном контакте. В виде статьи – это одно, в виде лекции – это другое.

АК: Я с вами абсолютно согласен, хотя немножко расхожусь в расстановке акцентов. Действительно, преподавание – очень важная вещь. Но только что является главным? Быть учёным, который подрабатывает «на отхожем промысле» и совмещает науку с педагогической деятельностью, или, наоборот – быть педагогом? Это всё-таки зависит от количества часов, «количества жизни», которая тратится на это. Что доминантно, а что рецессивно?..

АК: Для меня доминантной является наука, а рецессивным – преподавание. Но, тем не менее, оно очень важно.

АИ: Сейчас опять разгорелась полемика по старому вопросу: должна ли синология быть целостной наукой, или её надо дробить на дисциплины: филологию, историю, философию и т.д.? Эти дисциплины развиваются, дифференцируются, и целостность синологии или востоковедения – это как бы вообще архаика. А сейчас всё дифференцировано, специализировано. Ваш взгляд?

АК: Я считаю, что синология должна быть самостоятельной дисциплиной. Здесь играют роль даже не столько всякие теоретические соображения, сколько сама языковая специфика. Китайский язык очень специфичен, и он определяет специфику традиции. И это трудно определить в общих терминах.

АИ: Исходя из вашего опыта, что бы вы усовершенствовали в том, что есть, по крайней мере, в ИСАА? Вы знаете, тут среди последних новаций (благодаря усилиям сотрудников института философии) появилась четвёртая синологическая дисциплина – философия. Там, кстати, тоже работает очень хороший, близкий нам специалист, вьетнамист *Никитин*⁶³. Сейчас в ИСАА предпринимаются попытки внедрить ИТ-технологии. Я много писал и

---

⁶³ *Никитин Андрей Витальевич* (1957 г.р.). Вьетнамист, к.филос.н. (1985 г.). Окончил ИСАА МГУ (1981). Стажёр Ханойского ун-та (1979–1980), Пекинского народного ун-та (1989–1990). Сотрудник ИФ РАН (с 1984).

говорил о том, что надо бы как раз соединить синологию с естественными науками, потому что она как-то всё время развивалась как исключительно гуманитарная дисциплина.

АК: Педагогический совет у меня один. Представляется достаточно существенным, что нужно отдавать себе отчёт в специфике китайской традиции. Не в том, что у нас общее, а в том, что нас различает, и тогда можно довести суть проблемы до сведения российского студента.

АИ: Могли бы вы назвать каких-то своих единомышленников? Кто близок вам в профессиональном смысле?

АК: К сожалению, нет.

АИ: Тогда давайте ещё два сюжета поподробнее рассмотрим. Начали мы с появления Тань Ао-шуан в коллективе. Она действительно очень яркая, интересная женщина. А там, наверное, тоже дамы заправляли, как обычно бывает на языковых кафедрах? Как она нашла с ними общий язык? Как это всё происходило? Ваши первые впечатления от неё?

АК: Очень забавно, на самом деле! Тань Ао-шуан написала учебник разговорного китайского языка⁶⁴, и он на самом деле очень хороший. У нас было принято все учебники обсуждать на кафедре. В частности, этот учебник обсуждался на кафедре, где все его «вымазали дерьмом». Тогда Михаил Кузьмич Румянцев был в отпуске и поручил вести заседание *Михаилу Георгиевичу Прядохину*⁶⁵. У нас была совершеннейшая картина по *Свифту*⁶⁶: что самки-йэху делают при появлении новой (чужой) самки? Но, слава богу, хотя в явном виде он всему этому не препятствовал, но потом оказал очень

---

⁶⁴ *Тань Аошуан*. Учебник современного китайского разговорного языка. М., 1983. 720 с.; То же. 1988. 720 с.

⁶⁵ *Прядохин Михаил Георгиевич* (1925–1989). Китаевед, к.ф.н. (1969), доцент (1972). Окончил ВИИЯ (1949). Сотрудник Ин-та китаеведения-востоковедения (1957–1961). Преподаватель МГИМО–МИД СССР (1961–1966), в/ч (1966–1972), ИСАА при МГУ (1972–1985). Исследовал недоговорки-иносказания в кит. языке.

⁶⁶ *Свифт Джонатан* (1667–1746). Англо-ирландский писатель-сатирик, публицист, философ, поэт, общественный деятель. Знаменит как автор знаменитой фантастической тетралогии «Путешествия Гулливера», в кот. высмеял человеческие и обществ. пороки.

большую помощь в издании этого учебника. Справедливый был человек. Ну, а зрелище было совершенно удивительное!

АИ: А какой была ваша роль в этом? Или вы были тогда «нижним чином»?

АК: Ну, а что я? Я был одним из членов кафедры. Я хотел сказать по поводу Свифта, но воздержался всё-таки.

АИ: Но кто-то её поддерживал? Например, *Никольская Лидия Александровна*⁶⁷ привела Тань Ао-шуан к нам на философский факультет. Какие-то были там дружбы?

АК: Я не знаю насчёт каких-то специальных отношений между Никольской и Тань Ао-шуан. Были отдельно идеологические, идеологизированные всякие вещи и вещи чисто профессиональные.

АИ: Но вы оказались и супругами, и коллегами. А что было первично? Личные отношения или профессиональные? И когда они завязались?

АК: Личные отношения завязались где-то с 1972 года, и потихоньку развивались.

АИ: Получается, был большой период нахождения рядом, но как-то без сближения. С чем это связано? Обычно как-то иначе бывает: появляется человек, сразу что-то возникает, какой-то импульс, и потом скорее угасает. Бывает и как у вас, конечно.

АК: Видите ли, мы как-то мало пересекались друг с другом первоначально. Я был в то время в аспирантуре и мало появлялся на кафедре с 1966 по 1969 годы. Потом я был в Сингапуре в 1970–1971 годах. Так что мы начали регулярно общаться только после моего приезда из Сингапура.

АИ: А почему вы оказались в Сингапуре после аспирантуры, а не во время учёбы? Или вы уже везли туда молодых студентов?

АК: Нет. Это была группа специалистов в Наньянском университете. И это были в основном преподаватели уже с опытом. В частности, там был Дмитрий Николаевич Воскресенский.

---

⁶⁷ *Никольская Лидия Александровна* (1925 г.р.). Китаевед, к.ф.н. (1961), доцент (1983). Окончила МИВ (1948). Переводчик КВЖД (КНР, 1948–1951). Преподаватель ИВЯ / ИСАА МГУ (с 1958).

АИ: Но ведь ездили и студенты на стажировку?

АК: Ездили.

АИ: Малявин там был как студент, например. Он в таком же интервью рассказывал о пребывании в Сингапуре как о «глотке свободы», как он там общался с иностранцами. И там, кстати, возникла проблема выезда из СССР, которую он тогда не решил. Но потом он её реализовал в полной мере, став таким космополитом сейчас. Вы, видимо, в первый раз оказались там, в буржуазном государстве?

АК: В первый раз.

АИ: Стоял ли у вас вопрос о выезде из тоталитарного государства?

АК: Ну, здесь же у меня семья была, ребёнок. Никогда не думал о том, чтобы сбежать.

АИ: Ну, не сбежать, а заняться наукой в более благоприятных условиях. Как бы, кому служим? Служим государству или господу Богу, которому всё равно? Вопрос носит провокационный характер.

АК: Для меня эта проблема не существовала. Я знал, что должен вернуться, и никаких вопросов здесь не было.

АИ: Я всё-таки продолжу свой провокационный вопрос. Ваши близкие и Тань Ао-шуан – она ведь тоже эмигрантка, хотя и из одной социалистической страны в другую. Её дети и ваш сын в итоге тоже оказались за границей. Её родные тоже живут в Германии и Франции. То есть всё вокруг вас как бы центробежно удаляется от вас. Почему вы в этот вихрь не попали?

АК: Не знаю.

АИ: Не задумывались? А вас никто не звал?

АК: Нет, ну были определённые возможности, но всё было решено вот так.

АИ: А этот зарубежный сингапурский мир, все эти легенды о вашем аскетизме там, о вашей преданности науке, – это всё «апокрифы» или что-то реальное?

АК: Что-то здесь есть, конечно. Дело в том, что я в то время сознавал, что это уникальная возможность, что мне разрешили поездку в Сингапур. И поэтому

я пытался из неё извлечь всё, что только можно было. В частности, по возможности, привезти все книги, которые имеют ценность. Не только для себя, а, может быть, потом и для студентов.

АИ: Так оно и вышло!

АК: Так оно и вышло, у меня их растащили потихоньку. Но, конечно, это было несколько неестественно. Я потом связался с тайваньским представителем, который занимался экспортом китайских книг в Сингапур, напрямую у него книги покупал. Так он был убежден в том, что я это всё закупаю для какой-то библиотеки. Ради этого я был готов на определённые лишения и в отношении еды, и в отношении «шмоток». Всё это не очень нравилось моей жене. Тем не менее, это было так.

АИ: А кто ещё был с вами там, в той поездке?

АК: Главное – Сергей Евгеньевич Яхонтов, мы с ним в одной комнате жили!

АИ: О, как интересно!

АК: Потом там был Дмитрий Николаевич Воскресенский. Мы с Яхонтовым были своего рода «изгоями» такими. Мы с ним вдвоём жили в одной комнате, Воскресенский жил сам, в отдельной комнате. Там была *Антонина Фёдоровна Котова*⁶⁸. С мужем они были, у них был свой блок. Так мы там и жили.

АИ: А почему такие преимущества Воскресенскому?

АК: А как можно распределить?

АИ: А каждому по комнате – нельзя?

АК: Нельзя, потому что там двухкомнатная квартира!

АИ: А для Воскресенского просто пары не нашлось?

АК: Ну, естественно.

АИ: А какого-то иностранца могли подселить? У меня, например, в континентальном Китае была похожая ситуация, и мне подсунули некоего венгра.

---

⁶⁸ *Котова Антонина Фёдоровна* (1927–2001). Китаевед, переводчик, автор учебников и пособий по кит. языку. К.ф.н. (1955), доцент (1963). Окончила МИВ (1950). Преподаватель (с 1956), декан ист.-филол. фак-та ИСАА МГУ (1970–1984).

АК: Нет, там оставались отдельные места. *Александр Варламович Котов*⁶⁹, супруг Котовой, китаист известный, был оформлен туда на 6 месяцев, мы – на 10. И он после 6 месяцев уехал, а Котова осталась одна в этом блоке. Так что они соблюдали этот принцип отдельности.

АИ: А сколько денег платили тогда, не помните?

АК: Помню, в университете ничего не платили. В посольстве платили.

АИ: Я понимаю. Сколько вам платили?..

АК: Шестьсот семьдесят сингапурских долларов.

АИ: А это какое соотношение с долларами США?

АК: Примерно 200 долларов США.

АИ: Трудно понять, насколько велика была эта сумма. Кроме книг, что-то ещё вам удалось там почерпнуть? Может, связи какие-то?

АК: Нет, связей никаких не было. Я сидел в библиотеке, проработал всю литературу на английском языке, которая была по моей проблематике, и большую часть китайской. Просто сидел в библиотеке днями и ночами, из-за чего ко мне изменилось отношение. Сначала было на общих основаниях, потом у меня был такой читательский билет, что я мог брать домой уникальные издания. Они как-то меня оценили. Это приятно, да.

АИ: А по итогам этих штудий появилось что-то конкретное? Не повышение общей квалификации, а, может, какая-то статья?

АК: Исследования «Чунь цю».

АИ: У вас было тесное общение с Яхонтовым. Он тоже 10 месяцев пробыл?

АК: Да.

АИ: Какие впечатления у вас о нём? Каковы его личные особенности? Комфортно вам ли было жить с ним? Вы чему-то научились у него, как у старшего товарища?

---

⁶⁹ *Котов Александр Варламович* (1920–2003). Китаевед, лингвист, переводчик. Доцент (1970). Окончил МИВ (1950). Преподаватель МИВ (1950–1954), МГИМО МИД СССР. Сотрудник ИВ АН СССР (1959–1964). Составитель (совместно с Чэнь Чан-хао и А.Г. Дубровским) Рус.-кит. словаря (1953 г., издан в том же году в Пекине), Кит.-рус. словаря-минимум (1974 г., 2-е издание –1990 г.).

АК: Нет, мы общались с ним на равных. Хотя я его давно уже знал через Екатерину Николаевну Драгунову. Кстати, я, наверное, забыл про это рассказать. Это тоже отдельная тема. Когда кафедра рекомендовала мою курсовую работу 2-го курса для опубликования, то Е.Н. Драгунова мне помогала. Мы с ней вместе дорабатывали окончательный текст статьи. Она меня учила приёмам, у неё была своя метода. У меня был даже отрицательный пример – текст по языкознанию, который просто человек опубликовал. Она на этом примере показывала, как не надо писать. И всякие приёмы, как при помощи булавок текст создавали. Для особо важных мест использовались этикетки от сыра. В общем всё, что только можно делать – делали, по сравнению с нынешними фломастерами и прочими делами. Ради чего я об этом вспомнил? Да, и Сергей Евгеньевич Яхонтов – это был непререкаемый авторитет! Е.Н. Драгунова всегда говорила, что если он приезжает в Москву, мы должны ходить на все его доклады. Мы туда ходили – и я, и *Михаил Викторович Софронов*⁷⁰ тоже ходил как вроде бы ученик Яхонтова.

АИ: Но по возрасту вроде у вас большая разница...

АК: По возрасту я немножечко младше, но примерно то же самое. Яхонтов был любимым учеником Александра Александровича Драгунова. А Софронов был, возможно, последним по времени учеником. Так что, здесь есть такая традиция определённая.

АИ: Кстати, образ Яхонтова как-то напоминает ваш. Тоже легендарный человек, эрудит и настоящий специалист. Но какой-то небольшой творческий выход, очень небольшое число публикаций у Яхонтова, хоть, безусловно, и замечательных. Я даже сам участвовал в их републикации в 5-м томе нашей энциклопедии, в разделе по истории китайской лингвистики. Как-то хорошо,

---

⁷⁰ *Софронов Михаил Викторович* (1929 г.р.). Востоковед, языковед, д.ф.н. (1970), профессор. Сотрудник ИВ АН СССР (1957–1970), ИДВ АН СССР (с 1970). Преподаватель МГУ (с 1970). Окончил востфак ЛГУ (1952). Занимался дешифровкой и реконструкцией тангутского языка («Грамматика тангутского языка», кн. 1–2. 1968). Специалист по истории китайского языка, китайским диалектам.

но мало! Что это – сверхтребовательность к себе? Почему так мало написано и опубликовано конкретно у Яхонтова?

АК: Я не считаю, что мало.

АИ: Ну, а как? У него одна маленькая книжка и статьи. Даже монографии у человека нет!

АК: У него есть монография по китайским глаголам, изданная на основе кандидатской диссертации⁷¹.

АИ: Ну, может быть.

АК: Ну, это некоторая требовательность к себе и сложность самих проблем. Потому что можно трепаться на тему этих вопросов как угодно, а когда речь идёт о конкретном исследовании, о выяснении закономерностей, тогда всё достаточно трудно даётся. Потом у Яхонтова совершенно отсутствует честолюбие. Он никогда не думал о том, чтобы прославиться, написать как можно больше, он естественным образом всё писал.

АИ: Всё-таки жалко, что таких настоящих специалистов, учёных мирового уровня у нас не так-то много, и следов их деятельности тоже немного. Может, у нас организация всего этого процесса какая-то неправильная? Вообще, мы находимся сейчас как раз на этапе очередной реформы. Может, у вас на этот счёт есть какие-то мысли?

АК: Нет.

АИ: Тогда, может быть, доведём этот сюжет до логического конца. Вот вы вернулись из Сингапура и приступили к педагогической деятельности.

АК: Преподавал как и раньше, да.

АИ: А защитились вы вовремя? Вы поехали туда уже защищённым?

АК: Да. Я сначала защитился, а потом устроился на работу, преподавать.

АИ: А Тань Ао-шуан когда защитилась?

АК: Она защитилась позже, в 1982 году.

---

⁷¹ См.: Яхонтов С.Е. Категория глаголов в китайском языке. ЛГУ. 1957, 187 с.; *Он же*. Древнекитайский язык. М.: ГРВЛ, 1965. 116 с.

АИ: А ваша совместная, коллегиальная деятельность была связана с языком или с какими-то ещё дисциплинами? Тогда как-то создавалось впечатление, что она помогает вам в основном технически. Но, может, и вы ей помогли в чём-то?

АК: Не знаю, мне трудно судить. В таких делах, связанных с китайским языком, с построением китайского текста, с перепиской, со всем прочим, конечно, она мне помогала. Что касается меня... Нет, пожалуй, я ей не очень помогал. Она достаточно индивидуально устроенный человек. Сначала я вообще относился к её студиям с некоторым пренебрежением: что такое там преподавание разговорного языка и учебник разговорного языка? Потом я уже понял, что это семантика, и всё достаточно серьёзно, когда она защищала диссертацию и так далее.

АИ: Для меня наиболее интересна её последняя маленькая книжка «Китайская картина мира»⁷². Именно в силу её личностных характеристик как человека, который, находясь в двух культурах, как билингв, может видеть и то и другое, и транслировать. А что вы считаете самым интересным в этом? Что вам открылось? Или, может, наоборот, это вы подтолкнули её к этим студиям? Может, это ваше влияние?

АК: Скорее, это случайное совпадение. Тань *лаоши* – очень самобытный исследователь.

АИ: Но зато её дочь, *Марина Исаева*⁷³, стала уж совсем вашей ученицей. Настоящей!

АК: Да. Жалко, что всё это кончилось! Она вторым браком вышла замуж за китайца, который переехал в США и работал в университетах, в которых не было востоковедческой специальности. Но остались монография и статьи по историографии и теории китайской музыки.

АИ: Да. Очень грустно!

---

⁷² Тань Аошунан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 232 с.

⁷³ Исаева Марина Валентиновна. Китаевед, к.и.н. (1992). Автор книги: Исаева М.В. Представления о мире и государстве в Китае в III–VI вв. н.э. М.: ИВ РАН, 2000. 264 с.

АК: Ну что делать?! Можно утешаться только тем, что есть публикации. Дай бог, не пропадёт!

АИ: Но вот пришли 1970-е годы, довольно интересные, с точки зрения истории российской китаистики. Можно сказать, даже расцвет начался какой-то. Парадокс состоит в том, что в ситуации, когда мы были отрезаны от предмета изучения – Китая, синология развилась тут «бурным цветом» именно как наука. В отсутствие контактов, информации, книг, газет, возникли целые школы научные, масса публикаций, яркие учёные, всё кипело. А когда в 1990-е, наоборот, всё открылось – всё как-то изменилось, наука «приглохла» несколько, перешла в форму разных популярных и публицистических выступлений. Вроде и книг много, а таких вот «стандартов», как говорят в джазе, их как-то мало. Вы что-то можете сказать по этому поводу?

АК: Можно сказать, что 1970-е годы – это некое сопротивление материалу. И такая энергия – она вполне понятна на самом деле. У меня тоже это всё было – особенно в те времена борьбы с маоизмом, когда я пытался, по возможности, рекламировать Китай. Старался, по возможности, делать его интересным для публики и, по крайней мере, поддерживать те контакты, которые могли быть. Это было некоторое организующее начало. А когда всё это просто дано – это уже не вызывает такого желания и сопротивления материалу. Всё тогда превращается во что-то обыденное.

АИ: Да. А с кем из великих учёных-китаистов предшествующих поколений вы встречались? И кто произвёл на вас наиболее сильное впечатление? Конрада, например, вы видели, или нет?

АК: Конрада я видел, но никогда с ним не общался. Что касается Алексеева, то, благодаря Рифтину, который меня курировал, у меня были все основные работы Алексеева и я смог с ними ознакомиться. А впечатления, личное общение было, прежде всего, со Спириным.

АИ: Да, тут мы подошли плавно к *В.С. Спирина*⁷⁴. Как возникло знакомство, и почему эта книжка оказалась у вас, как у редактора?

АК: Дело в том, что, во-первых, я получил какие-то сведения о том, что он занимается примерно тем же, что меня интересует. Был анекдотический совершенно сюжет, когда один из моих соучеников-студентов сказал: «Вот, Тёма, есть какой-то Спирин в Ленинграде, который у тебя всё украл! Ну, а потом... Это всё, конечно, анекдотический характер имеет, потому что важна не формулировка о том, что в китайском тексте очень важны параллелизмы, а конкретные исследования форм параллелизма – это вещи разные, конечно... Ну, а потом ещё в издательстве просто никто не мог эту рукопись редактировать. Мне единственному доверили это делать.

АИ: А какое вы имели отношение к издательству? Или вы какие-то другие книжки там уже редактировали?

АК: Я даже не помню, почему обо мне в издательстве было известно. Не знаю, действительно. Вы задали вопрос, а я на него ответить не могу.

АИ: Ещё одним из «толкачей» этого процесса оказался *В.Г. Буров*⁷⁵. Вы на этой почве как-то с ним сталкивались?

АК: Нет!

АИ: То есть всё это было по отдельности?

АК: Да, конечно.

АИ: А с *Ю.В. Рождественским*⁷⁶, который тоже поучаствовал в этом процессе? Что вы можете сказать о нём и о его вкладе в это общее дело?

---

⁷⁴ *Спирин Владимир Семёнович* (1929–2002). Китаевед, к.филос.н. (1970). Окончил востфак ЛГУ (1952). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1952). Специалист по методологии исследований (структурным подходам) древнекит. философии. См.: *Спирин В.С.* Построение древнекитайских текстов. М.: Наука, 1976. 234 с.

⁷⁵ *Буров Владилен Георгиевич* (1931 г.р., Харбин). Китаевед, д.филос.н. (1986), профессор (1994). Окончил МИВ (1954). Сотрудник Ин-та философии РАН (с 1959). Исследователь классической и современной кит. философии.

⁷⁶ *Рождественский Юрий Владимирович* (1926–1999). Китаевед, д.ф.н. (1970), профессор (1975). Окончил МИВ (1952). Преподаватель МГИМО МИД (1952–1959), МПНИИЯ (1961–1971), филфака МГУ (с 1971). Сотрудник ИВ АН СССР (1959–1971). См.: *Рождественский Ю.В.* О книге В.С. Спирина «Построение древнекитайских текстов». // В кн.: *Спирин В.С.* Построение древнекитайских текстов. М.: Наука, 1976. С. 224–230.

АК: Вклад его, конечно, положительный. Но, вообще, он был совершенно редкостным фантазёром! Я с ним контактировал ещё будучи студентом. Мне порекомендовали к нему обратиться, он соблаговолил меня принять. Но из общения с ним я извлёк очень странное впечатление, потому что я тогда занимался «Го юй». А он мне сказал: «Вы знаете, а что, если это всё сочинили какие-то китайские интеллигенты, собравшиеся по пьяному делу?» После чего я ничего уже с ним делать не мог.

АИ: Кстати, сейчас есть отклики, подтверждающие актуальность ваших писаний прошлых лет по категориям. Есть такой господин *Конончук*⁷⁷ на Дальнем Востоке. В книжке «В пути за китайскую стену», сделанной к моему юбилею, у него есть статья про категорию *жэнь* 仁. Она интересна двумя вещами. Тем, что он – профессиональный философ-китаист. Это редко. И он действительно квалифицированно анализирует проблематику, в отличие, скажем, от Переломова. Конончук – грамотный человек, во-первых. А, во-вторых, он использует там новейшие текстовые находки и древнейшую графику, этимоны этой категории *жэнь*, которые оказались очень интересными. И он тоже опирается на эту вашу статью о категориях в «Лунь юй». Так что это дело продолжается. Он просил у меня консультации по поводу методов анализа аутентичности текстов. Я, естественно, в самом начале порекомендовал *Карлгрена*⁷⁸. Потом и ваши статьи. Может, вы что-то ещё добавите ему как совет, что посмотреть? Может, что-то произошло в этом направлении новое, раз уж вы коснулись этой темы в связи с Рождественским?

---

⁷⁷ *Конончук Дмитрий Васильевич* (1977 г.р.). Китаевед, к. филос. н. (2009), доцент. Окончил ДВГУ (1999). Преподаватель каф. философии ДВФУ. Исследователь древнекит. философии.

⁷⁸ *Карлгрен Бернхарт* (*Karlgren Bernhard*, 1889–1978). Выдающийся шведский синолог-лингвист, известен работами в области грамматики и фонетики древнекит. языка. Был первым учёным, использующим методы сравн.-ист. языкознания для реконструкции фонетики древнекит. языка.

АК: Насчёт нового я не знаю. А вот старое, но доброе – был такой китаист *Кеннеди*⁷⁹ в Америке, у него есть статьи, посвящённые категориям, тоже достаточно основательные.

АИ: А по аутентичности? Сейчас всплыло много текстов, образцовые тексты появились китайские, которые уж точно не поддельные, и они могут служить основой для сравнения. Как работают музейщики – у них есть подлинники. Поступает новое, они их сравнивают. А в этом направлении, что можно сказать, поскольку вы тут тоже у истоков у нас стояли, занимались, во всяком случае?

АК: Занимался, но сейчас этим совсем не занимаюсь.

АИ: Тогда вернёмся к Спирину. Значит, дали вам его книжку редактировать. И какое было впечатление? Кто у кого и чего «украл»?

АК: Нет, вопрос так не стоит. У меня были некоторые общие идеи, которые позволили мне воспринять всё это должным образом. Но заслуга вся – Спирина, конечно!

АИ: Да, это сейчас особенно видно, когда всплывают его первые, тоже связанные со сверхскромностью труды. Сейчас выйдет его книга по *Дэн Си-цзы*⁸⁰, и там просто видно, как он шёл к этому. Найдены все промежуточные фазы. Это началось ещё в конце 1950-х и начале 1960-х годов. Вам было тяжело или легко работать? Или радостно? Быстро или долго?

АК: Скорее, радостно. Это самое главное, что здесь может быть сказано.

АИ: Созвучие нашлось вдруг неожиданно. Мысли мудрецов сходятся!

АК: Да, да, соучастие в процессе тоже было очень приятным!

---

⁷⁹ *Кеннеди Джордж Александр* (Kennedy George Alexander, 1901–1960). Синолог, профессор (1954). Изучал древнекит. тексты, автор Йельской системы романизации кит. яз. Родился в г. Моганьшань (Чжэцзян), в семье миссионеров. Носитель кит. и англ. языков. Уехал в США (1918) и получил богословское образование. Вернулся в Китай (1926), преподавал в Шанхае. Учился в Берлинском ун-те (1932–1937) у О. Франке и Э. Хениша, защитил докт. дисс. по кит. праву. Работал в Биб-ке Конгресса. Преподавал кит. язык в Йельском ун-те (с 1936). В годы 2-й Мировой войны участвовал в подготовке специалистов для армии.

⁸⁰ *В.С. Спирин*. «Дэн Си-цзы» как логико-гносеологическое произведение: перевод и исследование. // *Каноны конфуцианства и школа имён*: в 2 кн. / Сост. и отв. ред. *А.И. Кобзев*. ИВ РАН. М.: Наука – Восточная литература, 2014. Кн. 2. 325 с.

АИ: Когда вы лично познакомились со Спириным? Я, например, очень поздно познакомился. Хотя мы с вами вместе и рецензии писали... и вы развивали эту тему. Но я увидел его только в 1990-е годы в Питере.

АК: Сейчас вспомню... Это было после Сингапура, или до Сингапура? Наверное, всё-таки, до.

АИ: Если это книга 1976 года, то, значит, работа над ней была где-то...

АК: Да, в 1973–1974 годах. Значит, мы познакомились после Сингапура.

АИ: Да. А были какие-то личные контакты тогда? Он не приезжал в Москву?

АК: Были контакты, связанные с издательством. Приезжал.

АИ: К нам на конференцию он почему-то никак не приезжал.

АК: Не знаю, как на конференцию, но в Москву он приезжал. Мы с ним общались. И моя бывшая жена даже делала для него ксероксы некоторых книг, которые я специально привёз с собой из Сингапура. Она работала в библиотеке иностранной литературы и у неё была возможность это делать.

АИ: Какое впечатление было от личности Спирина? Оно контрастировало с произведением или нет?

АК: Даже не знаю, как сказать.

АИ: Но он тоже неординарный человек! Та же питерская история повторяется. Одна чудом вышедшая книга, а потом, до конца жизни – бесконечное писание какой-то огромной монографии, связанной с «И-цзин». И в итоге монографии нет! Я пытаюсь собрать все его статьи под одной крышей и, видимо, сделаю это ещё и в стандарте *Corpus Sericum*⁸¹. Это важно и ценно очень.

АК: Безусловно.

АИ: А в континентальный Китай вы когда попали?

АК: В Китай я попал в 1988 году, по приглашению родственников моей жены. Там были отец, мачеха, сёстры и брат единокровные.

АИ: Они там были все живы?

---

⁸¹ Серия собраний трудов ведущих отечественных китаеведов.

АК: Да. Только мать её умерла в 1975 году. Она вывезла в Германию своего младшего сына, потом вернулась в Китай и там умерла.

АИ: Естественным образом?

АК: Да.

АИ: А они пострадали в Китае во время «культурной революции»?

АК: Нет, не очень. Они ездили на перевоспитание в деревню немножечко, но, в общем, всё было более-менее. Больше всего пострадал брат Тань Ао-шуан, который был под «контролем масс». Его обвинили в том, что он контрреволюционер и очень долго держали в деревне... А моя первая поездка в Китай – это было, конечно, очень большое впечатление, потому что я увидел реальный Китай уже изнутри. Мы жили у родственников, общались с китайцами.

АИ: А как долго и где вы побывали?

АК: Это было два месяца в Пекине. В тот раз, по-моему, мы в другие места не ездили.

АИ: Зато вы побывали там накануне судьбоносных событий, когда всё назревало. И ещё будоражили мечты о политических реформах. А что показалось вам более ярким? «Внутреннее» приобщение, наблюдение жизни китайской? Или политическая энергия и экономический подъём? Или люди?

АК: Дело в том, что как раз в то время появился документальный фильм «Хэ шан» 河殤⁸², и всё это обсуждалось довольно активно. Предпосылки того, что было в 1989 году, там уже были.

АИ: Да. Я про это и спрашиваю. Это было самое яркое? Или что-то другое?

АК: Это было ярким. А для меня вообще возможность посетить Китай – это была, сама по себе, ценность очень большая.

---

⁸² *Хэ шан* (河殤, «Гибель Реки») – 6-серийный докум. фильм Ван Лу-сяна 王鲁湘 (1956 г.р.). Посвящён раздумьям о кризисе традиц. кит. культуры, которую губит стремление к самоизоляции. Призывал к открытости, контактам с цивилизациями Запада и Японии. В 1988 г. показан на центр. кит. телевидении, а сценарий опубликован в «Жэньминь жибао». Фильм вызвал дискуссии в обществе, в ун-тах велись широкие обсуждения. Многие были склонны видеть в нём первую ласточку новой демократии в Китае. После событий 1989 г. на пл. Тяньаньмэнь фильм объявлен вредной диверсией, ошибочно допущенной до аудитории. Многие авторы фильма были арестованы или бежали за границу.

АИ: А там вы за книжками тоже гонялись?

АК: За книжками я особенно не гонялся, хотя, конечно, тоже закупал. Гонялся всё больше за компьютером!

АИ: А компьютер – наверное, какого-то тайваньского производства?

АК: Нет, в то время компьютеров вообще было мало. У Тань Ао-шуан были деньги в немецком «Коммерц-банке», и вот она использовала эти деньги для того, чтобы купить компьютер.

АИ: А почему в Китае? Я не понял?

АК: А где ещё нам было его покупать?

АИ: А почему нельзя было привезти из Германии, если деньги в немецком банке?

АК: А кто его привезёт? Нам предлагали привезти ноутбук, но это и дорого было, и бессмысленно. А здесь мы приобрели себе обычный компьютер.

АИ: Какого производства был тот компьютер?

АК: IBM. Он оказался весьма продвинутым компьютером, с точки зрения тогдашней России.

АИ: Они тут безумно дорогие были, компьютеры. Помню, когда я купил себе компьютер в 1990-м году, он стоил порядка двух тысяч долларов.

АК: Ну да. Так оно и есть, всё правильно.

АИ: Мы обсуждали вопрос о китайской культуре, об элитарности, о её носителях. Я помню ваш любимый пример про «узкое горлышко» или небольшой диаметр сосуда и большой подъём жидкости в нём. «Узок круг этих людей, страшно далеки они от народа». Переломов рассказывал о споре с Феокистовым, который говорил: «Ну, где ты тут на пекинских улицах видишь конфуцианцев?» А вы видели там конфуцианцев, тех представителей настоящей китайской интеллигенции, рафинированных этих *жу* 儒, или нет?

АК: Я сейчас вспоминаю, что мы ездили тогда в провинцию Шаньдун, и там был самый знаменитый специалист по «И-цзин». Забыл уже, как его зовут. Лю, по-моему.

АИ: Да, есть такой. Я тоже с ним знаком! Лю Да-цзюнь⁸³!

АК: Да, да! Так что, мы имели возможность пообщаться с ним. Но всё это было на ходу, конечно.

АИ: Он – даже председатель ассоциации конфуцианской. Его текст, его книжку частично перевёл мой соученик, известный вам покойный *Зайцев*⁸⁴.

АК: Он умер? Когда?

АИ: Да лет 12 назад. Такой здоровый был парень физически. Там очень трагическая история, потому что его жена сразу покончила с собой.

АК: После его смерти? О, господи!..

АИ: Они очень долго жили, соученики... А сколько раз вообще вы были после этого в Китае? Вы были на Тайване?

АК: Один раз были на Тайване. А в Китае, наверное, раз пять после этого были. В основном в связи с Ассоциацией преподавателей китайского языка.

АИ: А где были, в каких ещё местах?

АК: В основном всё это было в Пекине. Я вот сейчас вспомнил, что мы были ещё десять лет спустя, в 1998 году. У нас был статус исследователей «сюэчжэ» в Пекинском университете. Он давал нам возможность пробыть там полгода, и это было очень хорошо! И мы тогда побывали в Чунцине, в местах, где прошло детство Тань Ао-шуан. Ухань. Шанхай. Так что даже была такая небольшая поездка по стране в конце нашего пребывания.

АИ: Вы тогда там по музеям не наблюдали результаты этих великих китайских археологических открытий? В музее Ухани, скажем, в Чанша – там тоже есть огромный музей.

АК: В Чанша мы не были. В Ухани – нет, в музей мы не ходили. Мы были в самом главном музее истории Китая, который в Пекине. Там я помню всё очень хорошо.

---

⁸³ Лю Да-цзюнь 刘大钧 (1943 г.р.). Профессор Шаньдунского ун-та, глава Китайской ассоциации изучения И-цзин 中國周易學會. Автор комментированного перевода памятника на современный кит. язык, многих исследований «Книги перемен».

⁸⁴ Зайцев Владимир Васильевич (1953–2002). Китаевед, к.филос.н. (1981), доцент (1999). Окончил филос. фак-т МГУ (1975). Сотрудник РУДН (1996–2002). Изучал философию неоконфуцианства, этико-политические аспекты кит. философии.

АИ: Он сейчас переделан в национальный музей. Потрясающий музей! А с другими китайскими крупными учёными, кроме Лю Да-цзюня, вы встречались?

АК: Нет.

АИ: А с какими-нибудь известными западными учёными? По-моему, вы с *Грэмом*⁸⁵ встречались?

АК: Да, встречался.

АИ: Очень интересно. Может быть, что-то вспомните про ту встречу?

АК: Мы с ним научных проблем не обсуждали. Просто так общались, потому что я был в Англии в 1990-м году. Фонд Сороса меня субсидировал в той поездке. Основным местом был Оксфордский университет. Там у меня старый друг Арчи Браун, довольно известный советолог. И оказалось, что какие-то родственники его секретаря, который на кафедре был, были связаны с Грэмом. Поэтому я тогда довольно просто к нему попал, но это был буквально один день и одна ночь. Совершенно чудесный человек, на самом деле, я это почувствовал. Он подарил мне свои работы. Очень странное совпадение, потому что он в своё время как раз занимался «Ле-цзы». И там он был среди главных врагов Позднеевой – идеалист, и всё такое прочее. Вот так я потом с ним познакомился.

АИ: Там же ещё тонкость – про «Ле-цзы». Он опубликовал перевод раньше, чем она. А она говорила, что сделала раньше, и он у неё украл приоритет. То есть опять – кто у кого «украл»?

АК: О, господи!

АИ: Да-а. На мой взгляд, это действительно одна из крупнейших величин синологических. Книжка о Мо-цзы, конечно, выдающаяся вещь. Она была переиздана. Моя мечта всё-таки добиться её перевода на русский язык. Я

---

⁸⁵ *Грэм (Graham) Энгьюз Чарльз* (1919–1991). Английский китаевед, философ. Профессор Лондонского ун-та (1988), член Британской академии. Док. дисс. (1958) посвящена теме становления неоконфуцианства в Китае. Последующие работы касаются более древних этапов классической кит. философии. Переводя и комментируя древнекит. тексты, в т.ч. трактат «Ле-цзы», создал особую методологическую систему филолого-логико-философской интерпретации древних текстов.

даже одного своего аспиранта на это дело науськал. Это Рыков Станислав, очень продвинутый, умный учёный. Он как раз занимался вплотную Грэмом. Ну, и вы тоже в нашей кампании про Мо-цзин поучаствовали...

АК: Присоседился.

АИ: И там это тоже во многом построено на результатах Грэма.

АК: Да, конечно.

АИ: А как он внешне выглядел? Какие у него особенности личные?

АК: Он очень просто одевался и был прост в общении.

АИ: Кого-нибудь ещё удалось повидать лично? Из крупных синологов?

АК: Ну, немножечко я имел дело с фон Франкенхаузенем, который специалист по колоколам и прочим музыкальным делам. Потом ещё, естественно, это *Харбсмайер*⁸⁶.

АИ: Интересно, вы виделись с Харбсмайером?

АК: Да, конечно.

АИ: Говорят, он владеет русским в какой-то мере?

АК: В какой-то мере владеет, да. Мы с ним в Пекине встречались, как раз в 1998 году. А до этого Тань *лаоши* с ним встречалась в Вене.

АИ: Там тоже интересная история была, вот с этим «нидэмовским» томом, который в итоге делал Харбсмайер, а должен был делать *Хмелевски*⁸⁷. Сейчас всплыла история в изложении нашего коллеги *Кучеры*⁸⁸. Оказывается, Хмелевски (нам с вами он близок как человек, первым начавший применять

---

⁸⁶ *Харбсмайер Осло Кристоф* (Christoph Harbsmeier, 1946 г.р.). Синолог, профессор (1985), автор многочисленных работ по кит. философии и лингвистики, среди которых фундаментальная 1-я часть («Язык и логика») VII тома энциклопедии Дж. Нидэма «Наука и цивилизация в Китае». Родился в Гёттингене, учился в Оксфорде, в 1981 г. в ун-те Копенгагена. Защитил диссертацию по древнекит. синтаксису. Работает в ун-те Осло (1980).

⁸⁷ *Хмелевски Януш* (Chmielewski Janusz, 1916–1998). Синолог, языковед, специалист по древнекит. логике. Ученик *В. Яблонски*. Преподавал в ун-те Лодзи. Профессор Варшавского ун-та (1955). Дж. Нидэм назначил его ответственным за том своей «Науки и цивилизации Китая», посвящённый логике (т. VII, ч. I). Хмелевски начал работу, но в 1983 г. отказался по состоянию здоровья. Том вышел в 1998 г. под началом Кристофа Харбсмайера, завершившего начатую Хмелевски работу.

⁸⁸ *Кучера Станислав Роберт* (1928, м.р. Львов). Китаевед, д.и.н. (1981), профессор (1998). Окончил Варшавский ун-т (1952). Аспирант Пекинского ун-та (1953–1960). Сотрудник ИВ РАН (с 1967). Специалист по древней истории и археологии Китая.

точные и логические методы к китайским текстам) оказался каким-то врагом и гонителем Кучеры. Но по-моему, у вас тоже была какая-то полемика с Кучерой? Если я не ошибаюсь, в связи с переводами философских текстов? Или «Хун фаня⁸⁹»? Вы как-то одновременно этим занимались. Он перевёл, а вы, по-моему, в 1975 году как раз написали статью о «Хун фане». Та полемика была очной или заочной?

АК: Полемика была заочной. Он выступил против моей статьи, которую я собирался опубликовать в материалах «Общество и государство в Китае».

АИ: А в чём состояли претензии?

АК: Я сейчас уже толком не помню.

АИ: Странно.

АК: Ну, я ему на эту тему написал такой развёрнутый ответ. Назывался «Да тунхан шу» 达同行书 («Ответ коллеге»). Но после этого он ничего, больше меня не гонял!

АИ: Так он с вами просто в первый раз познакомился? Может, это просто такая форма знакомства, когда так проверяют?

АК: Да никакие это не формы знакомства! Думаю, что он действительно затаил ко мне какое-то противодействие, в связи с моей публикацией по поводу «Хун фань», где я своими собственными переводами пользовался, а не его переводом. Не знаю. Но всё дело в том, что он очень старый приятель Тань лаоши. Они ещё в Пекинском университете встречались, это был один круг. И жена его, *Свистунова Наталия Павловна*⁹⁰, тоже была старая знакомая.

---

⁸⁹ *Хун фань* 洪范 («Великий закон», «Великий план»). Одна из глав конф. канона «Шу-цзин». Согласно предисловию, содержание текста идёт от Великого Юя, который якобы получил 9 разделов Плана от высшего божества, после ликвидации потопа. В 9 разделах главы изложены принципы гос. управления и правила отношений между людьми, систематизируются природные явления, определяются основы кит. мировоззрения.

⁹⁰ *Свистунова Наталия Павловна* (1930 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1962). Окончила истфак МГУ (1953). Стажёр Пекинского ун-та (1957–1960, 1987–1989). Сотрудник ИК АН СССР (1957–1960), ИВ РАН (с 1960). Сфера исследований: история Китая в эпоху Мин. Переводчик «Законов Великой династии Мин». Супруга китаеведа С. Кучеры.

АИ: Тогда, тем более, непонятно. Если есть такие личные связи, то критика должна быть особо мотивирована.

АК: Не знаю.

АИ: Ещё яркое событие тех лет – те обеды, которые устраивал *Афанасий Крымов*⁹¹, и где движителем кулинарной деятельности была Тань Ао-шуан. Почему и как она там всё это готовила на всю «ораву» китаистов? Это чем было вызвано? Какими-то личными связями с этой семьёй?

АК: Личная связь, безусловно! Мы были давно знакомы с Афанасием Гавриловичем. Я тоже всячески это поощрял, по возможности, и так общался с сотрудниками отдела Китая, неформальным образом. Меня это как-то поддерживало.

АИ: А из наших коллег, кто там был? С кем вы приятельствовали? Кто был близок по сердцу или по работе?

АК: Пожалуй, *Чудодеев*⁹².

АИ: Чудодеев вообще очень общительный человек и готов дружить со всеми. Очень активный, в своём возрасте сейчас трудится прямо как молодой. Кстати, Кучера и Свистунова – тоже неординарная семья. Раз вы знакомы, вы как-то общались с ними?

АК: Только по телефону. Свистунова, в частности, протестовала против любительских публикаций.

АИ: Да, она очень строгая!

---

⁹¹ *Крымов Афанасий Гаврилович (Го Шао-тан 郭绍棠, 1905–1988)*. Китаевед, политэмигрант, сотрудник Коминтерна. Профессор (1961), д.и.н. (1962). Учился в Москве, в КУТВ. Преподавал в КУТК, КУТВ и др. вузах Москвы (с 1928). Сотрудник Межд. Аграрного ин-та (1930–1932). Окончил ИКП (1934) и стал канд. наук (без защиты). Работал политсекретарём Г. Димитрова в ИККИ. Жертва репрессий. Арестован (1938), осуждён на 15 лет (1939). Был в заключении (до 1953), в ссылке в Красноярском крае (до 1954). В 1954 г. приговор 1939 г. отменён, дело прекращено «за недостаточностью улик». В 1956 г. дело пересмотрено и повторно прекращено «за отсутствием состава преступления». Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1988).

⁹² *Чудодеев Юрий Владимирович (1931 г.р., Москва)*. Китаевед, к.и.н. (1965). Окончил истфак МГУ (1954). Специалист по новой и новейшей истории Китая. Сотрудник ИВ АН СССР (с 1962). Стажировался в Пекинском ун-те (1964) и ун-те Фудань (Шанхай, 1985–1986).

АК: Ну вот, она в этой связи пыталась привлечь меня на свою сторону. Ну, я старался, как мог.

АИ: В качестве рецензента, что ли?

АК: В качестве просто поддержки какой-то, не рецензента, а просто. Вообще.

АИ: Какие-то конкретные действия совершать надо было?

АК: Да, да.

АИ: Да, за ней водится такая деятельность. Вы упомянули период жизни иностранцев в Китае в 1950-е годы. Это очень интересный период! Там, видимо, много любопытного происходило, на сломе эпох. В воспоминаниях Тань Ао-шуан это как-то отражено?

АК: Пожалуй, что нет.

АИ: Жалко!

АК: Жалко.

АИ: Ваше мнение о синологии? Может быть, какое-то интегральное – об отечественной, российской, о её соотношении с западными синологиями? Может быть, сейчас формируется новая китайская синология, которая пытается активно влиять на эти отрасли в других странах? У кого какие-то преимущества, на ваш взгляд? Что вы думаете об этом?

АК: Очень сложный вопрос, на самом деле. Для меня безусловным преимуществом является российское науковедение, которое, в частности, представлено и вашими работами. Это очень своеобразный и основательный подход к делу. Сама суть китайской методологии: вы пытаетесь восстановить и установить, и это всё очень хорошо, на самом деле. Такого обобщающего подхода я, честно сказать, не вижу, ни в западной синологии, ни в Китае. Это очень существенный момент, с моей точки зрения. Это свидетельствует об определённой степени зрелости отечественной синологии, что очень отрандно.

АИ: Что бы вы посоветовали молодым учёным? На что обратить внимание? Что делать, как к делу относиться, что читать? Малявин, например, коротко сказал о методике изучения языков – это как бы отрешение от своего «я» и попытка в себе «родить китайца», это если о китайском речь идёт. То есть,

прежде всего, изучение языка через отождествление себя с носителем этого языка. Стать китайцем, наверное, самое сложное. Правильно ли это, согласитесь ли вы с этим?

АК: Да, я в принципе согласен с этим. Хочу только единственное заметить, что главным направлением должна быть признана реконструкция процессов исходя из здравого смысла. Например, я пытаюсь показать, как традиционная китайская фонология возникла сама по себе, как она могла произойти и что это единственная реальная возможность развития была именно в такой форме, которая реализовалась.

АИ: Мы забыли отметить работы Старостина (тоже трагическая фигура) и это направление. Тут тоже недавно возникла полемика о влиянии буддийской науки, лингвистики и фонетики, фонологии на построение китайских таблиц. И он же, в общем, показывал, что там как бы видны индийские следы. Поскольку вы сказали о таком органическом рождении этой науки... Но, с другой стороны, писали и про *фань-це* 反切⁹³, что возможно появление методики *фань-це* как-то странно совпадает с буддийским влиянием. Как вы прокомментируете это направление? И Старостин, и буддийские влияния в одном пакете?

АК: Старостин – личность чрезвычайно выдающаяся. Я его тоже хорошо знаю. Против этого я ничего возразить не могу. Безусловно, было какое-то влияние буддийской традиции. Но основой всего являются чисто внутренние процессы, которые происходили в китайском языкознании, если так можно выразиться, потому что языкознания, как такового, ещё не было. Была некоторая поэтика, если так можно выразиться. И частью этой поэтики явились эти самые *фань-це*, книги рифм, таблицы рифм и так далее.

---

⁹³ *Фань-це* (反切, *fǎnqiè*). Метод в традиционной китайской лексикографии, для обозначения произношения иероглифа с помощью двух иероглифов, первый из которых имеет консонантную инициаль, а второй – созвучное окончание слога (финаль). Был введён в III в. н.э. и использовался в словарях и комментариях к классике до начала XX в.

АИ: Кстати, было бы интересно проследить, как работает эта китайская машина переваривания всего иностранного на разных уровнях и в разных областях культуры. Начиная от техники и технологии вещей и кончая сложными научными конструкциями. В этом я вижу любопытную специфику китайской культуры! Как пылесос всё в себя вбирает, переваривает и делает своим. Мы видим это сейчас, а ведь это и в древности явно было!

АК: Да.

Продолжение интервью с А.М. Карапетьянцем.

Интервьюер: М.С. Осташёва («Международное радио Тайваня»)

Дата и место интервью: 28 марта 2018 г., г. Москва

МО: 28 марта 2018 года мы встретились с профессором Карапетьянцем в одной из аудиторий ИСАА для продолжения интервью в рамках проекта «Российское китаеведение – устная история». Артемий Михайлович, добрый вечер!

АК: Добрый вечер, Маша!

МО: Я буду задавать вам вопросы из списка, рекомендованного для подобных интервью. Начнём с общего вопроса: «Как вы оцениваете состояние современного российского китаеведения?»

АК: Мне очень трудно ответить на этот вопрос. С одной стороны, оно сейчас поднялось на новую ступень, потому что появляется много переводов на русский язык классических китайских книг, китайской литературы. С другой стороны, существенной для нас является проблема преемственности, потому что нужный уровень образования, который в своё время был, сейчас понижается. Мы выпускаем специалистов, которые на поверхностном уровне, в общих чертах, вроде бы хорошо знакомы с Китаем, могут о нём бегло говорить. Но глубоких познаний, которые основываются на истории китайской культуры, на знании *вэньяня* и так далее, у подрастающего

поколения, как мне кажется, стало меньше. Раньше было меньше народу, но квалификация была выше.

МО: Сейчас в ИСАА на китайский язык набирается больше студентов, чем раньше?

АК: Да, существенным образом больше. У нас тут недавно был китайский вечер, так там такое количество людей участвовало, что мне было даже странно это видеть. Огромный хор – 30 с лишним человек, массовые сцены... Конечно, это были студенты сразу всех курсов, но, всё равно, раньше было по крайней мере в два раза меньше студентов!

МО: Сколько человек учится сейчас в среднем в группах китайского языка?

АК: Сейчас у нас нет групп, в которых было бы меньше 10 человек. Обычно человек 11–12. Возможно, с этим, в том числе, связано такое поверхностное знание языка и культуры. Ведь тут надо готовить штучных специалистов. Но мне представляется, что недостаточное внимание уделяется методике преподавания языка, современные методы преподавания не внедряются – в этом отношении всё остаётся так, как было раньше. Как и в общем языкознании – уровень восточного языкознания, восточной филологии уступает, конечно, уровню русистики, и тут ничего поделать, наверное, нельзя. Но это жалко!

МО: О какой методике вы говорите? Методика, по которой обучали студентов до конца 1990-х годов, вроде бы хорошо себя зарекомендовала...

АК: Сейчас той методике уже не придерживаются, к сожалению. Используются более традиционные методы. Например, используется всё тот же учебник – перевод *Шюнь ханьюй кэбэнь* 實用漢語課本 под редакцией *Кондрашевского*⁹⁴, он уступает тем учебникам, по которым учились студенты в 1990-е годы. Это тот же базовый учебник. Мы использовали его новую редакцию, которая отличается коммуникативной направленностью описания

---

⁹⁴ *Кондрашевский Александр Фёдорович* (1951–2011). Китаевед, к.ф.н. (1983). Преподаватель ИСАА МГУ (1978–1988), МГИМО(У) (с 1988). Методист, автор многих учебных пособий по кит. языку.

и расширением системы упражнений. Сейчас появился ещё один новый учебник, который делался в РГГУ, он представляет интерес, на мой взгляд, так как тоже отвечает современным требованиям. Но это – РГГУ, где количество часов китайского гораздо меньше, чем в ИСАА, так что там, конечно, свои трудности.

МО: Теперь давайте поговорим о позитивных моментах!

АК: Мне кажется, сейчас студенты более мотивированные. Раньше большая часть студентов попадала на китайский язык «насильно». А сейчас на него очень большой спрос, студенты заинтересованы в дальнейшей связи с Китаем. С другой стороны, просто так затрачивать лишние усилия тоже никому не хочется.

МО: Как же это – «насильно»? Ведь, чтобы попасть на китайский язык, абитуриенту надо было сдать дополнительный тест!

АК: Я говорил о более ранних временах, до 1990-х годов. Потом уже, постепенно, появлялись люди, заинтересованные в изучении китайского языка, но такого массового притока всё же не было.

МО: Вы заговорили о преемственности. На эту тему у нас есть такой вопрос: расскажите об истории ваших отношений с учениками!

АК: Сначала я хотел бы рассказать немного о главных моих учителях. Помимо известных учителей-китаистов, у меня было два учителя, которые в моём становлении сыграли очень большую роль. Первая из них – это Екатерина Николаевна Драгунова, вдова Александра Александровича Драгунова, основоположника современного китайского языкознания. Я, к сожалению, не застал в живых Александра Александровича, но через Екатерину Николаевну как-то приобщился к его научной традиции. Она была удивительным человеком! В то время, когда я поступал в институт, она заканчивала работу над учебником китайского языка, который впоследствии стал учебником *Задоевко и Хуан Шу-ин*⁹⁵. Тогда было три автора, первым

---

⁹⁵ Хуан Шу-ин 黄淑英 (1933 г.р.). Китаевед-филолог. Родилась в Пекине. С 1949 г. служила в НОАК. Училась в Пекинском пединституте и МГУ. Преподавала кит. язык в

была Е.Н. Драгунова, потом – Задоевко и Лю Цюань-ли – китайский специалист, который тогда работал у нас на кафедре. Это был революционный учебник, очень интересный со многих точек зрения. Но Екатерина Николаевна была таким человеком, который занимался буквально всем. Она всех опекала, кто хоть в какой-то степени интересовался китайским языком и лингвистикой вообще. Она была филологом широкого профиля, блестяще знала английский язык, латынь (я с нею даже немного занимался латынью, но из этого ничего путного не получилось). Я помню, как мы с нею сидели в садике с обратной стороны здания, которое тогда занимал истфак МГУ, в соседнем дворике, за трубой – то место, которое студенты потом называли «Тайванем»... там были аудитории в подвале. И мы с ней редактировали мою первую статью... Она была представлена как один из докладов советской делегации на Пятом фонологическом конгрессе в Мюнстере. Когда аудиторий не хватало, часть занятий организовывалось там.

МО: А почему называли «Тайванем»?

АК: Потому что он маленький и отдельно отстоит от большого (смеётся). Мы с нею сидели, и она учила меня оформлять научную статью, потому что я впервые писал курсовую работу по лингвистике, будучи на втором курсе. Работа была высоко оценена кафедрой, и её рекомендовали к печати. Екатерина Николаевна помогала мне подготовить из неё статью. К сожалению, её так и не напечатали. Кафедральный сборник вышел, но мне там не нашлось места. В результате эта статья вышла лет через десять, и толку никакого от этого уже не было – она устарела. Она была посвящена экспериментальной фонетике, а эта наука довольно быстро развивается. К сожалению, Екатерину Николаевну очень скоро отправили на пенсию, почему-то у нас всегда отправляли на пенсию самых любимых преподавателей. В 1964 году она скончалась.

МО: Кого ещё из своих учителей вы хотите упомянуть?

АК: Вторым важным для меня учителем – это Дега Витальевич Деопик, специалист по истории Юго-Восточной Азии. Он всегда опекал студентов, опекал студенческое научное общество. Он меня приобщил к точным методам гуманитарных исследований. Я до сих пор поддерживаю с ним отношения, контактирую. Сейчас мы с ним совместно занимаемся проблемами происхождения письменности на территории Восточной Азии. Так что эта связь сохраняется уже более 50 лет.

И ещё я хочу добавить одну вещь. При моём приобщении к китайской культуре важную роль сыграл китайский специалист, который работал на нашем факультете, когда я учился. Его звали Ли Гэ-фэй. Он был ещё и специалистом по пекинской опере, любил петь пекинскую оперу и зная, что я интересовался китайской музыкой и собирался ею заниматься, записал для меня на магнитофон целую лекцию по пекинской опере. Он был очень любезный человек, учил нас разговорному языку, и мне хочется поблагодарить и его, и всех китайских специалистов, которые работали у нас на кафедре и работают до сих пор, потому что это действительно специалисты, а не просто, как некоторые говорят, «носители языка». Это совершенно неправильный подход, ведь все они, как правило, имеют специальное педагогическое образование, в отличие от наших преподавателей, и они – настоящие наши коллеги, а никакие не «носители языка». Вот и всё.

МО: Мы слышали, что Деопик приобщил вас к археологии? Вы даже что-то опубликовали про археологию?

АК: Да. Одними из первых моих публикаций, кроме публикаций по китайской филологии, были работы по археологии и дешифровке киданьского письма. Археологией увлекалась ещё моя мама и приучала меня к ней. Поэтому после первого курса мы с другом-арабистом *Максимом Киктевым*⁹⁶ отправились вместе с историками на практику – раскопки

---

⁹⁶ *Киктев Максим Сергеевич* (1943–2005). Арабист-литературовед. К.ф.н. (1970), доцент (1976). Сын известного советского дипломата, посла С.П. Киктева (1915–1980). Окончил

самого северного греческого города Танаис в дельте Дона под Ростовом. Мы поехали на экспедиционном грузовике с руководителем практики Д.В. Деопиком. Ехали 3 дня, так как шофёр попался принципиальный и не желал ехать со скоростью более 40 км в час. Были незабываемые для нас, двух мальчиков, вырвавшихся из порядочных семей ночи с разговорами о науке и распитием водки. По приезде сначала мы насаживали лопаты, а потом нас двоих командировали на раскопки дромоса могилы, в которую провалился трактор (надо было просто установить контуры ямы). Копали мы поочередно, да ещё пионеры нам носили воду. Потом, когда нас спросили, где мы хотим дальше работать, мы, конечно, заявили, что у Деги Витальевича на раскопе. Он тогда был молодым, одновременно с руководством сам копал землю. А земля там не то что перекопанная в дромосе. Как камень, да ещё и с камнями. А Дега всех всё время подгонял. Максиму было легче, потому что он одновременно снимал, а перед съёмкой непременно мыл руки.

МО: И как вы, справились с такими перегрузками?

АК: Мы работали 50 минут, потом 10 минут перекур. В результате к седьмому часу в перекур я лёг на землю, да так и не встал. Поэтому мне разрешили на следующий день не работать, но я, чувствуя, чем дело пахнет, сказал, что лучше поработаю день в керамической группе. Для испытания мне дали нарисовать какой-то предмет. Не имея особых способностей к рисованию, я так старался, что меня перевели в эту группу. В результате я реформировал шифрование фрагментов и, соответственно, ведение описи. Всерьёз занялся классификацией керамики. Ко второму году я уже разработал собственную классификацию и методы работы с массовыми фрагментами. К тому же перед этим я месяц проработал на другом памятнике, где руководил квадратами и копал со всеми, так что и проблему с копанием я так не оставил. В результате Дега предложил написать совместную статью с классификацией и методами раскопки, позволяющими использовать для

датировок и характеристик слоя массовый керамический материал. Потом мы сделали общий доклад, когда я ещё был на 3-м курсе, и опубликовали статью в первом сборнике по применению математических методов в археологии, вышедшем с опозданием в 1970 г. Я и позже профессионально занимался археологией, закончив археологическую карьеру в 1973 г. в качестве начальника раскопа (аналогично Деге), сдавал официальный отчёт в Институт археологии. А памятник не разрешают копать даже ростовским археологам.

МО: А кто учил вас в те времена работать на ЭВМ?

АК: Да, это были ЭВМ первого поколения. Мой папа был известен, в частности, тем, что создал 6 методов сравнительного расчёта физико-химических свойств веществ. Сводится он к тому, что при определённой обработке материала свойства веществ при разных условиях возможно представить в виде прямых, сходящихся в одной точке. Поэтому, например, для какого-то нового вещества можно знать только одну экспериментальную точку и построить прямую, позволяющую определить все остальные. Я с детства помню эти сходящиеся прямые и даже использовал их в одной, пока оставшейся неопубликованной работе. Папа дружил с *В.В. Налимовым*⁹⁷, который доказал, что эти методы образуют полную систему и число их не может быть увеличено. Поэтому на 3-м курсе папа попросил Налимова пристроить меня куда-нибудь по математической части. Тот послал меня к *В.А. Успенскому*⁹⁸ (брату лингвиста *Б.А. Успенского*⁹⁹, который ещё на 2-м

---

⁹⁷ *Налимов Василий Васильевич* (1910–1997). Математик и философ, автор термина «наукометрия». Д.т.н. (1964). Работал в ВИНТИ АН СССР (с 1955), Гос. Ин-те редких металлов (с 1959). Создал лабораторию мат. методов исследования. Профессор на каф. теории вероятностей и мат. статистики МГУ, сотрудник биол. фак-та МГУ. 1-й зам. зав. межфакультетской Лаборат. статистических методов МГУ (1965–1975).

⁹⁸ *Успенский Владимир Андреевич* (1930–2018). Математик, лингвист. Профессор мех.-мат. фак-та МГУ (1966), завкафедрой мат. логики и теории алгоритмов (с 1993). Окончил мех.-мат. фак-т МГУ (1952), ученик акад. А.Н. Колмогорова. Вместе с В.В. Ивановым открыл семинар по мат. лингвистике на филфаке МГУ (1956). Уволен из МГУ за поддержку Б.Л. Пастернака (1958). Один из создателей (с 1959) Отделения теор. и прикл. лингвистики филфака МГУ (с 1962 – Отделение структ. и прикл. лингвистики).

⁹⁹ *Успенский Борис Андреевич* (1937 г.р.). Филолог, семиотик. Д.ф.н. (1972). Профессор, зав. лаб. лингвосемиот. иссл. филфака НИУ ВШЭ (с 2011). Иностр. член Австрийской,

курсе вёл у нас семинар по семиотике искусства и который в 1964 г., после моего доклада в Тарту, сделал мне двусмысленный комплимент: «С точки зрения профана вы проделали огромную работу!»). В.А. Успенский назначил мне встречу на филфаке, где курировал математическую часть работы Отделения структурной и прикладной лингвистики (помню, окончания нашей беседы почтительно ждал *Шиханович*¹⁰⁰ – преподаватель математики, которого потом выгнали за диссидентство и, что делает честь математикам, долгое время не могли найти человека, который бы согласился работать на его месте). Так вот, Успенский направил меня в группу дешифровки отдела семиотики ВИНТИ (бывшую Лабораторию электро моделирования), мозговой центр информатики. Там как раз и была ЭВМ «Гамма-барабан» фирмы Бюльль (впоследствии поглощённой ИВМ). Эта машина была первой промышленной машиной, появившейся одновременно с машиной ИВМ, а на обработку научной информации денег не жалели. Группу в Москве возглавлял математик *М.А. Пробст*¹⁰¹, а общее руководство осуществлял *Кнорозов*¹⁰². В результате образовалось трио руководителей группы из вышеуказанных лиц и меня, которые в каждый приезд Кнорозова встречались в ресторане Пекин. Встречи так и назывались: «1-й пекинский

Норвежской, Польской ак. наук, многих научных обществ. Окончил филфак МГУ (1960). Работал в Ин-те Африки АН СССР (1963–1965), затем на филфаке МГУ (до 1992). Преподавал за рубежом. Сотрудник РГГУ (с 1992),

¹⁰⁰ *Шиханович Юрий Александрович* (1933–2011). Математик, правозащитник. К.пед.н. (1966). Окончил МГУ (1955). Преподавал на Отдел. структ. и прикл. лингвистики. Уволен из МГУ за подписание письма в защиту А.С. Есенина-Вольпина (1968). Был редактором «Хроники текущих событий». Содержался в СИЗО и псих. больнице (1972–1974). В 1983 г. осуждён на 5 лет заключения и 5 лет ссылки по 70 ст. УК РСФСР (Антисоветская агитация и пропаганда). Освобождён в 1987 г. Преподаватель РГГУ (с 1995), доцент каф. мат., логики и интеллект. систем в гум. сфере Ин-та лингвистики РГГУ.

¹⁰¹ *Пробст Марлен Абрамович* (1930 г.р.). Семиотик, специалист по методикам дешифровки письменностей.

¹⁰² *Кнорозов Юрий Валентинович* (1922–1999). Историк, лингвист. Д.ф.н. (1955). Дешифровал письменность майя, изучал применение мат. методов для дешифровки письменностей. Окончил истфак МГУ (1948). Работал в Ин-те этнографии АН СССР, Музее антропологии и этнографии (с 1953). В начале 1960-х гг. участвовал в работе по исполз. компьютера для дешифровки письменностей. Лауреат Гос. премии СССР (1977). Автор многих работ по ист. и этногр. майя. Работал над дешифровкой письменности о. Пасхи, протоиндской письменности. Кавалер ордена Ацтекского Орла (Мексика, 1995).

симпозиум», «2-й пекинский симпозиум» и т.д. После одного такого симпозиума нужно было делать коллективный доклад на важной конференции по информатике. Поскольку по молодости лет я оказался наиболее трезвым из компании, делал доклад я (опубликован в 1967 г. в шикарных фолиантах «Информационно-поисковые системы и автоматизированная обработка научно-технической информации» в 4-х томах). Также было оговорено, что Кнорозов будет моим оппонентом-доктором на защите кандидатской диссертации. Но это, к сожалению (я с большим трудом нашёл другого оппонента) не состоялось, поскольку на этот раз жена не пустила Кнорозова в Москву из-за пьянства. А в машину мне пришлось основательно влезть. В результате в отделе считали, что в математической части и в программировании на машине разбираются по-настоящему двое – математик *Миша Арапов*¹⁰³ и я (железо знал инженер Шамиль Булатов, который готов был перейти на работу к нам в ИВЯ вместе с машиной – её были готовы отдать просто так), но я уже говорил в первой части беседы, почему это не состоялось.

МО: Вся эта работа велась для дешифровки киданьской письменности?

АК: Да. Группа дешифровки при ВИНТИ, созданная под руководством Кнорозова, имела два направления – дешифровка киданьского (династия Ляо) и протоиндийского письма (тексты Мохенджо-Даро и Хараппы). До конца ни те, ни другие тексты дешифровать не удалось, но определённый прогресс был (есть публикации). То были слишком трудные задачи – ведь тангутское письмо (государство Си Ся) удалось дешифровать благодаря наличию тангуто-китайского словаря. Мы произвели анализ киданьской графики, благодаря чему тексты удалось однозначно оцифровать и ввести в машину 1-го поколения при помощи перфокарт. Вывод данных происходил при помощи табулятора – это огромная и очень шумная машина. За счёт этого были получены данные по распределению знаков в тексте. Эти данные

---

¹⁰³ *Арапов Михаил Викторович* (1939–2008). Лингвист, математик К.ф.н. Сотрудник Отдела семиотич. проблем ВИНТИ АН СССР (1962–1990), Ин-та системного анализа РАН. Преподавал в Академии народ. хозяйства, РГГУ.

уместно было бы сравнить с данными по записанному китайскими иероглифами «Сокровенному сказанию» монголов (я его даже оцифровал), но к тому времени я уже занялся другими делами, а работа группы постепенно заглохла.

Помимо археологии и дешифровки письменности, в моих экспериментах с точными науками был ещё астрономический сюжет! В 1995–2000 годах я тесно сотрудничал с ГАИШ¹⁰⁴ МГУ по линии археоастрономии (астрономия – тоже моё увлечение с детства), в частности, в программе SETI (проблема квалификации предмета или явления как результата сознательной деятельности), но это слишком долгая история. Я даже должен был наряду с ведущими астрономами руководить секцией на конгрессе Евразийского астрономического общества, но вместо конгресса оказался в клинике нервных болезней, чем и кончились мои хождения на сторону.

МО: Мы поговорили о ваших учителях. Теперь давайте вернёмся к ученикам!

АК: Как-то так вышло, что учеников у меня немного. Может, я не умею утвердить свой авторитет и какую-то школу установить. Среди моих любимых учеников, конечно, *Артём Игоревич Кобзев*¹⁰⁵, Андрей Андреевич Крушинский (и мне очень жалко и грустно, что между ними такой возник конфликт), а в последнее время учеников у меня фактически нет. Вот была такая Наталья Гурьян из Благовещенска, она у меня даже в докторантуре была, но всё затягивает защиту докторской диссертации, занимается «*Эрья*»¹⁰⁶. Пока она им занималась, я уже узнал, что другой человек выпустил большую монографию об «*Эрья*», и есть даже перевод этого словаря на русский язык. Я эту книгу уже достал – это очень основательный

---

¹⁰⁴ ГАИШ – Государственный астрономический институт им. П.К. Штернберга.

¹⁰⁵ *Кобзев Артём Игоревич* (1953 г.р.). Китаевед, д.филос.н. (1989), профессор (1999). Окончил филос. фак-т МГУ (1975). Историк кит. философии. Сотрудник ИВ РАН (с 1978). Завотделом Китая ИВ РАН (с 2011). Лауреат Госуд. премии РФ (2010) за достижения в развитии Китаеведения и подготовку 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая». Научный редактор сайта synologia.ru

¹⁰⁶ *Гурьян Н.В.* Первый китайский словарь «*Эрья*». Опыт историко-филологического исследования. М.: Изд-во ВКН, 2014. 208 с.

перевод и исследование, выполненное в Иркутске *Т.Е. Шишмарёвой*¹⁰⁷. Сейчас у меня пишет магистерскую диссертацию очень вдумчивая девушка (родом не из Москвы, учится на платном отделении), но она не собирается продолжать научную работу, так что из неё тоже ученика не получится. В общем, мои знания остаются не вполне востребованными, и мне жалко, что я читаю лекции ограниченному количеству людей, которые, может быть, даже не могут их оценить до конца, и всё это так и пройдёт. Но, тем не менее, я очень тщательно готовлюсь к своим лекциям, обдумываю их, и студенты, по моему, умеют это оценить. Сейчас я читаю лекции в РГГУ, которые выкладываются в интернет!

МО: Что бы вы назвали вашим самым большим достижением?

АК: Это, конечно, очень трудный вопрос. Трудно говорить о своих достижениях. Наверное, это, прежде всего, то, что я смог как-то войти в суть предмета, который я преподавал. Мне нужно было преподавать историю языка, и я стал разбираться в ней достаточно хорошо. Нужно было преподавать *вэньянь* – и с ним мне пришлось разбираться самостоятельно. Я изучил структуру *вэньяня*. Занимаясь курсом истории китайского языка, изучал традиционную китайскую лингвистику. Сейчас я занимаюсь гадательными надписями II тыс. до н.э., так как Дега Витальевич Деопик хотел в сотрудничестве со мной заниматься проблемой ранних форм письма на территории Китая. И это, пожалуй, не очень хорошо, потому что достаточно глубоко изучить столь разнообразные предметы трудно. Но я думаю, что это обычная участь университетского профессора. Хорошо, когда он может набрать достаточное количество учеников, которые могут заниматься более частными вещами, отчасти под его руководством, а если учеников нет, то всё это уходит в песок потом.

МО: А как же публикации, книги?

---

¹⁰⁷ *Шишмарёва Т.Е.* Китайский словарь «Эрья» в идеографическом и этнокультурном аспектах. Иркутск: ИГУ, 2017. 289 с.

АК: В публикациях и книгах всего не расскажешь, потому что лекции – это немного другой жанр. То, что говорится в устном виде в аудитории, в диалоге, пусть даже с самим с собой, довольно трудно перевести в книжный формат. В науке, действительно, был пример – важнейший труд, на котором зиждется современная лингвистика, курс общей лингвистики *Соссюра*¹⁰⁸, представляет собой публикацию конспектов лекций, сделанных студентами. Сам он это дело так и не написал. Так и здесь – это представляется какими-то общими вещами, которые как-то и не очень пишутся, а на самом деле, это, может быть, тоже очень важная вещь. Но на всё не хватает, к сожалению, сил.

МО: На что не хватает сил? Что хотелось бы сделать больше всего?

АК: Я часто увлекаюсь разными вещами. Но мой последний проект, который я вряд ли смогу осуществить, – это изучить вопрос становления раннекитайского текста на примере разных редакций одного и того же. Сейчас подобного рода исследования – сличение редакций, сличение дискурсов и всё такое прочее, получили достаточно большое развитие, и их можно было бы применить к китайскому материалу, наряду с традиционными китайскими методами. В частности, я имею в виду разные редакции самых разных памятников, например, такого памятника как «*Мо-цзы*»¹⁰⁹. По древности он сопоставим с «*Лунь-юй*»¹¹⁰, если не раньше него. Это один из первых специально написанных текстов. И вот из чего он складывался – это очень интересно! Тем более что сейчас есть и

---

¹⁰⁸ *Соссюр Фердинанд де (Ferdinand de Saussure, 1857–1913)*. Лингвист, специалист по индоевроп. языкам. Основатель семиологии и структ. лингвистики. Стоял у истоков Женевской лингв. школы. Учился в Женеве, Лейпциге, Берлине и Париже. Защитил дисс. в Лейпциге (1879). Преподавал в парижской Высшей школе практ. иссл. (1880-1891), профессор Женевского ун-та (1891). Основная работа – «Курс общей лингвистики». Издана посмертно по материалам лекционного курса (1907–1911).

¹⁰⁹ *Мо-цзы* 墨子. Древнекитайский филос. трактат V–III вв. до н.э., названный именем философа и политического деятеля Мо-цзы (Мо Ди), противника конфуцианства, основателя школы моистов. В трактате собраны мысли последователей этой школы на протяжении почти 200 лет её существования.

¹¹⁰ *Лунь-юй* 論語 (*Беседы и суждения, Обсуждённые беседы*). Главная книга конфуцианства. Составлена учениками Конфуция (551–479 гг. до н.э.), записавшими факты биографии, высказывания и поступки учителя, а также беседы с его участием.

археологические находки текстов, и это всё можно лучше проследить, но на это нужно очень много сил.

МО: Ведутся ли подобные исследования за рубежом?

АК: Сейчас всё это находится в стадии проекта, поэтому трудно сказать – может, и в других местах такие проекты разрабатываются. Насколько я мог судить по публикациям, программам конференций и семинаров, такой постановки вопроса пока нет.

МО: Вы упомянули, что издаётся много новых книг, новых исследований китаеведов. Какие из них, по-вашему, наиболее значительны и интересны?

АК: Мне очень понравилось издание «*Чжоу-ли*»¹¹¹, которое осуществляет Станислав Кучера! Эта публикация выполнена на очень высоком профессиональном уровне. Я не говорю уже о такой публикации, как «Спор о соли и железе» Ю.Л. Кроля – тоже очень сильная работа. Мне также представляется важным, что сейчас на русском языке публикуются не только сами тексты, но и важнейшие комментарии к ним. В этом отношении я хочу назвать и А.И. Кобзева, и недавно вышедшую книжку «*Мэн-цзы*»¹¹² И.И. Семененко¹¹³, где переведены канонические комментарии – это очень интересный материал, в особенности для специалистов, незнакомых с китайским языком. Он позволяет им понять суть проблем, которые возникают при комментировании и при понимании китайского текста, это очень важно, на самом деле. Ну и, конечно же, переводы, которые были

---

¹¹¹ *Чжоу-ли* 周禮 (Чжоуские ритуалы). Древнее название – *Чжоу-гуань* (Чжоуские чиновники), «Чжоу-гуань-цзин» (Канон чжоуских чиновников). Один из памятников, входящих в конфуцианское собрание классич. кит. лит. – «Тринадцать канонов» (*Шисань-цзин*). Традиция приписывает его создание Чжоу-гуну, младшему брату У-вана – первого государя династии Чжоу (XI–III вв. до н.э.). См. Установления династии Чжоу (Чжоу ли). / Пер. с кит., вступ. ст., комм. и прилож. С. Кучеры. Т. 1. М.: Восточная литература, 2010; Т. 2. М.: Восточная литература, 2017.

¹¹² *Мэнцзы* 孟子, один из канонов конфуцианства. Составлен учениками и последователями философа Мэн-цзы (жил в IV–III вв. до н.э.).

¹¹³ Семененко Иван Иванович (1947 г.р.) Китаевед, к.ф.н. (1974), доцент (1987). Окончил ИСАА МГУ. Декан ист.-филол. фак-та ИСАА (1984–1989). Засл. преподаватель МГУ (2017). *Область научных интересов*: кит. литературоведение, переводы кит. памятников средневековой художественной и философской мысли.

сделаны Л.Е. Померанцевой и Г.А. Ткаченко – «*Люйши чуньцю*»¹¹⁴ и «*Хуайнаньцзы*»¹¹⁵ – сложнейшие тексты, и это очень важно, что такие переводы Ларисе Евгеньевне удалось доделать и довести работу до конца.

МО: Каким приоритетным темам сейчас уделяется внимание в российском китаеведении? И в чём его отличие от западного китаеведения?

АК: Дело в том, что у нас действительно очень сильная текстологическая школа, об этом я и говорил. Ещё у нас довольно большое развитие получило полупрофессиональное вскрытие особенностей восточных цивилизаций, китайской цивилизации в частности, по сравнению с европейской и так далее – на самом поверхностном уровне. Очень важно, что эти вещи, несмотря на свою поверхностность, тесно связываются с устройством китайского языка и с китайской картиной мира. То, что делается, с одной стороны, лингвистами на научном уровне, на уровне анализа грамматики текста и пр., с другой стороны – «снизу», на уровне практического китаеведения, выражается в популярных вещах, вплоть до пособий для людей, ведущих бизнес в Китае. Как-то эти два направления сливаются, я вижу результат более тесных контактов между Китаем и Россией, взаимных обменов и поездок людей в разные стороны, близких человеческих отношений между представителями китайской цивилизации и европейской, в частности, российской. Это какая-то практическая сторона, которая, как мне показалось, в такой степени не рассматривается на Западе, хотя там живёт очень много этнических китайцев. Но они живут как-то сами по себе, и там наблюдается скорее, в определённой мере, процесс «вживания» этнических китайцев в окружающую цивилизацию. А здесь это всё немножко иначе, и мне представляется это

---

¹¹⁴ *Люйши чуньцю* 呂氏春秋 – «Весны и осени господина Люя». Философский сборник сер. III в. до н.э., созданный под патронажем Люй Бу-вэя. См. Люйши чуньцю. Весны и осени господина Люя. Лао-цзы. Трактат о пути и доблести. / Пер. с кит. Г.А. Ткаченко. М.: Мысль, 2001. 525 с.

¹¹⁵ *Хуайнань-цзы* 淮南子 («Философы из Хуайнани»). Кит. филос. трактат. Создан не позднее 139 г. до н.э. Авторство приписывают Лю Аню, внуку основателя династии Хань. На самом деле – продукт коллективного творчества приглашённых им учёных даосов. См. Хуайнаньцзы. Философы из Хуайнани. / Пер. с кит., вступ. ст. и прим. Л.Е. Померанцевой. М: Наука-Восточная литература, 2016. 528 с.

интересным, может быть, благодаря тому, что Россия такая разноэтническая страна, что контакты между разными культурами здесь издавна существуют, и этим облегчается понимание иной культуры и практики, принятой у многих в быту. Что касается академических исследований, особенно с применением мыслительной техники и современных информационных технологий, то в этом отношении Запад находится далеко впереди, и нам их во многом надо догонять. Прежде всего, я имею в виду автоматический анализ текста и подобного рода вещи. Специальные компьютерные программы под академические нужды.

МО: Какие проблемы не получают должного внимания среди российских китаеведов?

АК: Да вот как раз те, о которых я говорю...

МО: Но ведь не китаеведы же должны заниматься разработкой софта? Должна, наверное, происходить какая-то интеграция между специалистами разных отраслей?

АК: Совершенно верно, определённые организационные мероприятия нужны и так далее... для этого нужно сближение менталитетов. Я вижу положительные сдвиги в этом направлении, но мне представляется, что для диалога с математиками и программистами китаеведы ещё не очень готовы. Что же касается тем, не получающих должного внимания, то мне кажется актуальной такая тема, которая находится далеко от сферы моих интересов, хотя и соприкасается с ними. Она упирается в машинный перевод с китайского языка на русский и с русского на китайский. Вокруг этого создаётся очень сильное лингвистическое обеспечение, и деятельность таких крупных лингвистов, как *Апресян*¹¹⁶, как раз с нею связана. Он занимается обеспечением процесса перевода с французского на русский и наоборот. На этой основе он создавал много важных теоретических работ. Некое

---

¹¹⁶ *Апресян Юрий Дереникович* (1930 г.р.) Лингвист, академик РАН (1992), д.ф.н. Автор трудов в области лексич. семантики, синтаксиса, рус. и англ. лексикографии, истории лингвистики, машинного перевода. Глава Московской семантической школы. Составитель ряда словарей нового типа.

организуемое начало, которое даёт такой продукт, как современная грамматика данного языка, грамматика, которая может быть использована в машинном переводе и так далее. У нас этого, к сожалению, нет. Это одно упущение, которое я вижу, но для этого нужно серьёзное и тщательное описание китайского языка, а в этом отношении у нас есть некоторые работы, которые мне представляются немного фантастичными, но интересными. Они очень нестандартны и не до конца обоснованы, но они действительно интересны, хотя и не более того. Серьёзных вещей я там не вижу.

МО: А что это за работы?

АК: Точно я сейчас не вспомню... Там такие люди, как *Владимир Курдюмов*¹¹⁷, это школа Военного института... Есть ещё один коллега – я как-то участвовал в конференции в Белорусском государственном университете, и там был учёный (не помню его фамилию), который создал новое течение в языкознании, основанное на восточном языкознании, где разделяются, прежде всего, «живые» и «мёртвые» слова. Это китайская и японская терминология, то есть слова именного свойства и более предикативного свойства, и на этом строится всё описание. У нас пыталась защититься его ученица, построившая свою работу на этом описании. Работа была очень хорошая, интересная, но её большинство наших традиционных лингвистов рассматривать не пожелали, сказав – мол, это не наша компетенция, это вопрос лингвистической теории и т.д., хотя я пытался её отстоять... Это просто интересно, хотя в деле и не очень применимо.

МО: А если мы поговорим о разнице в подходах, в предметах, в методике между российским и западным китаеведением?

АК: Ну, я бы не стал этот вопрос таким образом ставить. Я не думаю, что наше китаеведение значительно отличается от западного. Я бы хотел, чтобы этот вопрос вообще не поднимался, потому что у нас есть единая наука. Я не

---

¹¹⁷ *Курдюмов Владимир Анатольевич* (1965 г.р.) Китаевед, д.ф.н. Декан востфака Ин-та иностр. языков Московского городского пед. ун-та. Специалист по кит. языку, истории и теории языкознания. Создатель нового направления на стыке лингвистики и философии – предикационной концепции языка.

стал бы разделять западную науку и российскую. Не стал бы разделять подходы. Даже та разница, которая вообще была раньше, объяснялась прежде всего тем, что какой-то общий научный уровень несколько уступал. У нас были прекрасные знатоки традиционной китайской культуры, люди, которые понимали традиционные китайские тексты, но распространённой культуры литературоведческой или лингвистической не было, в значительной степени в силу всяких идеологических причин. Чтобы как-то внутренне себя оправдать, мы говорим о разнообразных «открытиях». Хотя нельзя говорить, что мы совсем уж были изолированы. Мы были отделены какой-то полупрозрачной перегородкой, стоявшей между общемировой наукой и той наукой, которая была здесь. Что-то доходило и, если говорить о языкознании, да и о китаистике в целом, здесь поддерживался тот уровень, который был в 1910-х годах. Но не более того. Тот же академик Алексеев сформировался как раз в те годы и продолжал в том же духе работать, несмотря на решительное сопротивление окружающей среды.

МО: В предыдущей части интервью вы упоминали, что с трудами Алексева вас знакомил Борис Львович Рифтин. Расскажите немного о том, как и чему вы у него учились.

АК: В основном он давал мне читать и даже подарил мне часть работ академика Алексева. Дело в том, что я как-то всё больше сам учился, так уж получилось. Как учитель на меня большее влияние оказал Дмитрий Николаевич Воскресенский, с которым я познакомился, когда учился в 10-м классе. Он действительно много мне рассказывал. Борис Львович же немного попреподавал мне *вэньянь* (он устроил преподавание *вэньяня*, которое продолжалось очень недолго). Но он также знакомил меня с основными текстами, как и Дмитрий Николаевич, который читал прекрасные курсы – «Введение в спецфилологию», например. Воскресенский-то был здесь, в ИСАА, и было ещё много интересных людей, например, Любовь Дмитриевна Позднеева.

МО: Получается, именно Воскресенский оказал наибольшее влияние на вашу китаеведческую судьбу?

АК: Трудно ответить на этот вопрос. Основное влияние на мою китаеведческую судьбу оказала моя увлечённость Китаем, я впитывал буквально у всех всё, что мог, и интересовался всем.

МО: А чем вы объясняете такую свою увлечённость? Вот вы говорите, что сейчас студенты более мотивированы, чем раньше, но этой мотивации всё же не хватает, чтобы выйти на какой-то серьёзный уровень. Откуда появился ваш горячий интерес к Китаю, чем он поддерживался, как развивался?

АК: Я пытаюсь понять основы, на которых держалась китайская цивилизация, связанные с китайским языком, а всё это – следствие моего увлечения Китаем, которое у меня, можно сказать, с детства, и увлечение очень сильное. Я так это полюбил, что потом уже никак не мог от этого уйти. Я же первоначально не имел никакого отношения к Китаю, как и вся моя семья. Я уже рассказывал, как один наш родственник, любивший делать экзотические подарки, подарил папе на день рождения «Троецарствие», которое только что было выпущено. Красные книжки, которые были настоящей диковиной! Никто не пытался их читать и только удивлённо рассматривали гравюры, которые там были, дивились на «дикие» имена, которые там встречались... Ещё я был уверен, что китайским языком никогда заниматься не буду, потому что там мало простора для мысли, а надо заучивать какое-то бесчисленное количество иероглифов. Потом я в это дело влип, и влип по очень простой причине – меня музыка «попутала». Я об этом, кажется, ещё не рассказывал. Мы с отцом часто ходили на концерты и случайно оказались на концерте, на котором некий Сацкис, ученик *Метнера*¹¹⁸, играл его сонату-воспоминание, а Рихтер играл вторую сонату Скрябина, и это меня совершенно потрясло. Эти композиторы тогда были «не в чести»... И ещё

---

¹¹⁸ *Метнер Николай Карлович* (1881–1951). Композитор и пианист. Учился в Московской консерватории (1892–1900). Занимался композицией, выступал с концертами. Эмигрировал в Германию (1921). После организованного с помощью Рахманинова тура по США (1924–1925) осел в Париже. Жил в Лондоне (с 1935).

была книжка *Браудо*¹¹⁹ «История музыки»¹²⁰, которая была издана в 1920-е годы, и там много всего хорошего говорилось о модернистической музыке, которая считалась совершенно недопустимой в советское время. Меня это всё заинтересовало, и я стал думать о том, что это какой-то совершенно другой музыкальный язык, который кажется недоступным и странным... Но вот оказалось, что в Китае существует целая цивилизация, у которой совершенно другая музыка, на другой основе построенная. И этим доказывается, что все эти поиски, все эти дела – это оправданно, естественно, это настоящий культурный плюрализм. И это – одна сторона вопроса. На другой стороне – какое-то совершенно странное, непонятное увлечение страной. Китай очень меня заинтересовал, и я чувствовал к нему какую-то внутреннюю близость, которая только усиливалась от того, что мы от китайцев были отделены – в Китае мы жили в своего рода «гетто» и мало общались непосредственно с китайцами, только с переводчиками. Возможно, чувство противоречия, свойственное юному возрасту, тоже сыграло роль. Я очень этим всем интересовался. Я просто это всё полюбил, и это сказалось на всей моей судьбе и даже на моём втором браке – к моей жене меня привлекали не только человеческие достоинства и красота, но и то, что она была носителем китайской культуры. Так это и осталось – может быть, у меня характер такой, немного женский, верный чему-то, постоянный, но вот таким образом я и состоялся. Я всем, связанным с Китаем, интересовался, всему пытался научиться, всё делал с глубиной. У меня какие-то способности есть, быстрое соображение, умение воспринять большое количество информации, которое тоже из музыки появилось, потому что я хорошо умею читать с листа, а для этого надо уметь быстро перерабатывать много

---

¹¹⁹ *Браудо Евгений Максимович* (1882–1939). Музыковед, публицист. Учился в Рижском муз. уч. (1891–1897). Окончил филфак Петербургского ун-та (1911), изучал теорию музыки в Германии. Преподавал в муз. училищах Петрограда (с 1914). После революции работал в Наркомпросе. Профессор Петроградского ин-та истории искусств (1922). Работал в изд-ве «Всемирная литература». Под его редакцией в 1923 г. вышел сборник «Экспрессионизм». Жил в Москве, преподавал в Московском ун-те (с 1924).

¹²⁰ Всеобщая история музыки. Т. 1-3. Петербург, 1922 (т.1); Москва, 1925 (т.2); 1927 (т.3); 2-е испр. изд. М., 1930.

информации, поэтому очень немногие люди, включая музыкантов, умеют это делать хорошо. Я много занимался. Помню, нужно было на первом курсе написать курсовую работу по экономической географии Китая, и я выбрал себе тему: «Развитие железнодорожного транспорта в Китае». Перерыл всю литературу на русском языке, которая была, частично английскую, написал большую работу... Потом, говорят, кто-то её даже использовал. Кто – не знаю, я же не занимаюсь больше железнодорожным транспортом. Я долго разыскивал разные публикации в Исторической библиотеке. И так я всем старался заниматься.

МО: Каким было самое первое впечатление о Китае в вашей жизни?

АК: Первым впечатлением, отчасти, стала гостиница для советских специалистов в Пекине, «Дружба», с китайской архитектурой. И самое главное – экскурсия на Великую китайскую стену, которая была буквально в один из первых дней нашего пребывания там. Поначалу я боялся туда ехать, в непривычное место, но там это всё вдруг «растаяло» и начало в меня интенсивно входить.

МО: Вернёмся к кафедральным делам. Как развивалась жизнь и деятельность кафедры китайской филологии в те годы, когда вы ею руководили?

АК: Ну, во-первых, я хочу отметить, что на нашей кафедре были довольно сильные научные традиции. В частности, большое внимание уделялось научной работе студентов. В отличие от других кафедр, у нас была принята процедура защиты курсовых и дипломных работ на заседании кафедры, и кафедра выносила оценку этим работам.

МО: А разве на других кафедрах такого не было?

АК: На многих не было. Оценка за курсовую работу обычно выставляется просто руководителем, а у нас это было выведено на кафедральный уровень. И я очень рад, что эта традиция сохранилась и до сих пор. Мне это очень приятно!

МО: Когда было принято это решение и по чьей инициативе?

АК: Эта традиция существовала ещё тогда, когда я учился – с 1961 года. И, как мне кажется, это была инициатива Позднеевой. Она очень большое внимание уделяла научному воспитанию подрастающего поколения.

Ещё у нас была очень хорошая самодеятельность, хотя я должен заметить, что во время моего руководства кафедрой она постепенно сходила на нет. Вначале мы организовали очень хороший китайский вечер, в котором и вы принимали участие (в 1995 году).

МО: Это был конкурс китайского языка, который проходил на Межвузовском факультете?

АК: Нет, не только конкурс. Помните, мы ставили сценки из «Сна в красном тереме»? Это было у нас в институте, вы в этом принимали активное участие, хотя ещё были на младших курсах.

МО: На первом!

АК: Наверное. Там участвовали студенты всех курсов. Это был очень удачный вечер, на который были приглашены сотрудники китайского посольства, представители деловых кругов китайских, и он прошёл очень хорошо! К сожалению, тот опыт при мне больше не повторялся, и я очень рад, что сейчас эта традиция возобновилась. Я имел удовольствие присутствовать на таком китайском вечере, он был очень хорошо организован, там был даже целый сценарий, по которому действие развивалось, и сопровождение было хорошее, причём всё это было сделано самими студентами, по их инициативе.

МО: Ещё студенты принимали участие в конкурсах китайского языка.

АК: Да, в конкурсах, которые проводились ежегодно в здании Горного института, где базируется Межвузовский факультет китайского языка МГУ, которым я руководил 5 лет до того как стал завкафедрой. Наши студенты всегда принимали в них активное участие. Студентов готовили к конкурсу и российские преподаватели, и (в очень большой степени) командированные преподаватели из Китая. В мою бытность заведующим кафедрой, поскольку мы с Тань Ао-шуан уделяли внимание повышению уровня преподавания китайского языка, наши студенты занимали, как правило, первые места, их

очень хвалили. Про некоторых даже говорили, что их по слуху невозможно отличить от китайцев. Наши студенты участвовали и в экзаменах *HSK*¹²¹. Кафедра тоже принимала деятельное участие в организации этих экзаменов. Они и проходили первоначально на базе нашей кафедры. В том числе был организован экзамен на высший уровень, и несколько студентов получили эти сертификаты, что большая редкость, потому что требования там очень высокие.

МО: Расскажите ещё, пожалуйста, про упомянутую выше Ассоциацию преподавателей китайского языка.

АК: Началось всё с того, что Тань Ао-шуан приняла участие в III конференции Всемирной ассоциации преподавателей китайского языка. Конференции эти, как правило, проходят в Пекине, но один раз, в 2001 году, конференция была организована в Ганновере, в Германии. Мы старались сделать так, чтобы в членах правления Ассоциации был представитель России. Сначала это был *Н.А. Спешнев*¹²², но потом он перестал приезжать, и это место было отдано Франции. И Тань Ао-шуан очень старалась, чтобы это место получила Россия. Я даже думаю, она ради этого приняла российское гражданство. В конце концов её выбрали. Сначала я баллотировался, но так как я не был известным преподавателем китайского языка, меня не избрали. А её избрали, и она была постоянным членом правления в течение, кажется, 8 лет, до 2006 г. Именно она организовала здесь Российскую ассоциацию преподавателей китайского языка и была её председателем до 2010 года. Потом председателем избрали меня, но я, к сожалению, не очень сумел организовать работу. Было проведено три конференции, в последней из которых принимали участие довольно много преподавателей не из Москвы.

---

¹²¹ *HSK* – *Hànyǔ Shuǐpíng Kǎoshì* (汉语水平考试) Стандартизированный квалификационный экзамен по кит. языку (*путунхуа*) для лиц, не являющихся носителями кит. языка, в т.ч. иностр. студентов, зарубежных китайцев и представителей этнич. меньшинств в КНР. Экзамен *HSK* является единой формой аттестации иностранных учащихся, его результаты признаются во всём мире.

¹²² *Спешнев Николай Алексеевич* (1931–2011). Китаевед, лингвист, переводчик, д.ф.н.(1987). Окончил востфак ЛГУ (1957), преподаватель ЛГУ с 1957. Профессор (1989), почётный профессор СПбГУ. Родился в г. Пекин.

Был даже преподаватель китайского из США, так что конференция имела статус почти международный. Результаты этих конференций публиковались в «Вестнике МГУ», в серии «Востоковедение». Там целый номер был посвящён методике преподавания китайского языка, а это о многом говорит. Я не помню другого специального номера «Вестника», посвящённого методике преподавания какого-нибудь восточного языка. Так что я очень горжусь, что наша кафедра смогла этого достичь. Ещё издавался журнал «Преподавание китайского языка». Вышло всего три номера, я был их главным редактором. Там печатались материалы по методике преподавания китайского языка, по разъяснению сложных вопросов китайской грамматики, «Изречения» Конфуция печатались в переводе В.В. Малявина с некоторой редакцией моей, и даже была статья по вопросу статуса Тибета, присланная из Краснодара. Также важно, на мой взгляд, что там печатались рефераты наиболее интересных работ студентов.

МО: Что же произошло в дальнейшем с Российской ассоциацией преподавателей китайского языка? Она просто прекратила свою работу?

АК: Да, к сожалению. Она имела соответствующий статус, была оформлена как ассоциация, но, по-моему, её лицензия прекратила своё существование. Какая-то моя вина в этом, к сожалению, есть, но вскоре я вышел из игры по семейным обстоятельствам, так всё это и кончилось. Но очень надеюсь, что сейчас, когда преподавание китайского языка получило весьма широкое распространение, снова появится подобного рода организация. Она была бы очень полезна для обмена опытом и методической работы.

МО: Ещё одна животрепещущая тема – поездки студентов на стажировки в Китай. Старшее поколение преподавателей рассказывает о памятной стажировке в Сингапур, а больше никуда попасть было нельзя. Когда студенты вновь получили возможность ездить на стажировки в Китай?

АК: Примерно с начала 1990-х годов. В 1980-х годах отношения с Китаем более или менее стали налаживаться, и к началу 1990-х студенты начали ездить, отчасти на основании договора, заключённого между Московским и

Пекинскими университетами. Это были 10-месячные стажировки. Сейчас, к сожалению, с этим дело обстоит хуже. На разных кафедрах всё организовано по-разному, на основании каких-то прямых контактов. У нас, к сожалению, предусмотрена только полугодовая командировка и только в магистратуре. Студенты бакалавриата лишены возможности ездить на стажировку, что кажется мне неудачным решением. Полугодовые стажировки сильно выбивают студентов из учебного процесса, ведь они не хотят терять год и, пропуская полгода, пытаются наверстать пропущенный семестр, и это всё очень плохо, на самом деле. Раньше просто учебный год выключался и всё, а здесь получается так, что они в магистратуре не учатся целый семестр.

МО: И давно это так?

АК: Примерно года два. Недавно, в общем.

МО: Предлагаю ненадолго отвлечься от научных и кафедральных дел и поговорить о самом насущном: о ваших отношениях с китайской кухней!

АК: У меня очень хорошие отношения с китайской кухней, потому что меня и дома роскошно кормили. Тань Ао-шуан прекрасно готовила! Моим любимым блюдом была курица в кисло-сладком соусе. Но она всё делала замечательно – и *хуншао-жоу* (тушёное мясо) у неё был роскошный.

МО: А где она добывала китайские продукты?

АК: Китайские продукты добывались «подножным» путём. К примеру, Борис Львович Рифтин, с которым мы очень дружили, когда разводился со своей второй женой¹²³, некоторое время жил у нас дома. Поэтому он нас очень любил, всегда хорошо к нам относился. Так вот, мы с Борисом Львовичем Рифтиным вывезли из закрывавшегося магазина «Дружба» («Книги стран народов демократии») всё, что там осталось, и поместили в гараже его тестя. Там были списанные книги с выдранными титульными листами, но всё остальное было в целости и сохранности. То же самое было и с китайской едой. Когда закрывался на ремонт ресторан «Пекин», мы из него все запасы вывезли.

---

¹²³ Имеется в виду д.ф.н. Кирина Ивановна Голыгина (1935–2009).

МО: Откуда же вы об этом узнавали?

АК: Ну, китайцы всегда всё знают! Мы ещё на какой-то базе соевый соус в огромных бутылках доставали. До сих пор в хозяйстве что-то ещё осталось – до сих пор мешки грибов *сянгу* и *муэр* лежат... Что-то я отдал другим китайским преподавателям кафедры. А вообще Тань Ао-шуан делала удивительные вещи! Например, готовила по-китайски картошку иногда, полусырую с перцем. Мне кажется, она готовила лучше всех, я такой вкусной еды больше нигде не ел, даже в лучших ресторанах!

МО: Это вас каждый день так роскошно кормили?

АК: Нет, это только для приёмов, меня она не кормила каждый день вкусной китайской едой. Каждый день мы питались очень обычно. Но она была очень щедрым человеком и, когда мы начинали нашу совместную жизнь, она как раз в том году, в 1973, преподавала на философском факультете и приспособила меня читать лекции о китайской культуре. Я философам читал лекцию, потом они захотели со мной заниматься *вэньянем*, и я дома организовал семинар по традиционной китайской философии и науке. Потом Кобзев продолжил его в Институте востоковедения. Это был такой неофициальный семинар, мы встречались раз в неделю или два раза в месяц, и каждый раз Тань Ао-шуан для всех готовила еду, чтобы все после семинара угощались. Вот такие были времена!

МО: Артемий Михайлович, мне бы хотелось ещё расспросить вас о Тань Ао-шуан!

АК: Давайте, конечно.

МО: Расскажите, как вы познакомились? Вы уже говорили, что она появилась на кафедре в 1966 году...

АК: Совершенно верно. В том году я как раз кончил институт и поступил в аспирантуру. В институте я тогда практически не появлялся. Стал появляться только когда начал преподавать, а на заседания кафедры я не ходил, и меня особенно никто не трогал. Так что я с нею был знаком так же, как и со всеми членами кафедры. Я её видел периодически. Но как-то был один раз –

кажется, весна 1970-го года, когда принимались экзамены, и она явилась на заседание кафедры, такая красивая, с цветами, которые ей подарили студенты – она преподавала на факультетах тогда, в основном. Как-то она мне в душу вошла. А потом – когда она делала доклад на Ломоносовских чтениях по поводу китайской исторической фонетики и фонологии – меня тоже она заинтересовала, поскольку в этом мало кто разбирался. Я задавал вопросы, помогал ей вешать иллюстрации к докладу, на больших ватманских листах это всё рисовалось. Это она, кажется, даже в своих воспоминаниях описала. А так – я просто ею восхищался, я с неё пылинки сдувал...

МО: Вы занимались вместе научной работой?

АК: Вы знаете, мне очень трудно на это ответить. На самом деле, мы вместе работаем всю жизнь, хотя я ещё не очень принимал участие в её учебнике разговорного языка. Мне казалось – где наука, а где какие-то там учебники. Мне это казалось менее серьёзным, менее заслуживающим уважения. Но потом уже, когда я всерьёз занялся учебником *вэньяня* – мы с нею вместе его делали, и это была наша совместная работа. Вы понимаете, в чём дело, я участвовал во всей её работе непосредственно. Потому что ей было трудно по-русски писать. Сначала она писала русский текст, я его исправлял, а моя мама, которая раньше делала всю такую работу для моего папы, отпечатывала всё это на машинке. А потом маме стало трудно этим заниматься, в связи с возрастом, и мне пришлось это делать самому. Я всё это время был при ней «учёным секретарём». Это была часть моей работы, и я очень много сил на это истратил. Например, её монография по скрытой грамматике¹²⁴: там было три варианта русского текста, которые все прошли через меня. Так что я этот текст организовывал, я в этом тексте разбираюсь, и последний доклад, который она подготовила, я делал вместо неё.

МО: Что это был за доклад? Когда это было?

---

¹²⁴ Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.

АК: Доклад был в 2011 году, а тема его – сравнение текстов Евангелия в переводах на китайский, английский, русский, немецкий. Такая небольшая работа. Она уже не смогла её доложить из-за болезни, и я докладывал вместо неё, ходил на конференции, я знаю всех людей, с которыми она имела дело, и группу *Арутюновой*¹²⁵ знаю. Я даже у Арутюновой доклады делал тоже, в их направлении немного работал. Так что всё это, и учебник тот – это тоже наша совместная работа. Идеи основные её, но труда вложил в него, может быть, даже больше я, чем она. Она меня поставила первым автором, хотя идеи грамматического описания она придумала. Она очень долго над ним работала. По этому учебнику можно учить даже просто те теоретические положения, которые имеются в её работе. Это как бы введение в её работу, потому что так просто это дело не воспринять. Это как «Философские исследования» и «Логико-философский трактат» Витгенштейна, которые невозможно воспринять без работы его ученицы Элизабет Эшкомб. Она написала специальную работу, необходимую для понимания Витгенштейна: *An Introduction to Wittgenstein's Tractatus* (1959). Так что и здесь всё непросто. Меня, к сожалению, мало слушали, но ведь это трудно всё на самом деле. Чтобы это воспринять, нужна уверенность в том, что это нужно, потому что сначала ничего не понятно. Непонятно – зачем, непонятно – что. Кажется, что это элементарные вещи. Надо в это войти и увлечься этим – то же самое было с книгой *Спирина*¹²⁶, потому что её открываешь – ну, параллелизм! Всем известно, что в китайском тексте есть параллелизм! А дальше уже начинаются структуры всякие, которые нужно обдумывать, схватывать – не всем это по силам.

МО: Что Тань Ао-шуан считала своей главной темой?

АК: Это и была её главная тема – семантическое описание китайского языка. Это была её тема на протяжении всей жизни. Она пришла к этому, так как

---

¹²⁵ *Арутюнова Нина Давидовна* (1923–2018). Лингвист, д.ф.н. (1976), членкор. АН СССР (с 1990) по Отделению литературы и языка (языкознание). Лауреат Гос. премии РФ в составе коллектива авторов «Лингвистического энциклопедического словаря» (1995).

¹²⁶ *Спирин В.С.* Построение древнекитайских текстов. М.: Наука, 1976. 234 с.

добросовестно занималась всем, чем ей приходилось заниматься. Журналистикой, спортом. Потом она добросовестно работала на радио, в конце концов, в качестве стилистического редактора. Она редактировала тексты, которые писали китайцы. Но те тексты были написаны под влиянием русского текста, с которого они их переводили, и порой трудно было понять, в чём дело и что происходит. Она думала об этом. Сначала это и легло в основу её семантических толкований, которые имеются в учебнике разговорного языка. Там же есть очень интересные толкования, которые тоже остались наполовину недоступны, потому что они даны по-китайски. А потом уже и те объяснения, которые она давала студентам. Это и есть *над-языковое*, семантическое описание языка, чем она, собственно, и занималась до конца. И это не с точки зрения русской грамматики, что было бы совершенно недоступно, а именно с точки зрения общей семантики.

МО: А в каком году Тань Ао-шуан приехала в Москву?

АК: В Москву она приехала в 1956 году. И только в 1988 году мы с нею впервые поехали в Китай. До этого времени она в Китай не возвращалась.

МО: Потеряла ли она китайское гражданство, получив советское?

АК: У неё не было советского гражданства! Она не хотела его получать. Она приняла российское гражданство только в 1996 году, а советского у неё никогда не было. У неё только вид на жительство был.

МО: Наверное, у неё были свои соображения на этот счёт...

АК: Были соображения. Шило на мыло зачем менять? (смеётся). Между прочим и у Хуан Шу-ин не было советского и российского гражданства.

МО: Я помню, как Тань *лаоши* агитировала нас голосовать за «Выбор России», когда мы были студентами...

АК: Да-да, она была очень политически ангажирована. В 1991 году, когда была заварушка с этим путчем, мы по радио слушали передачи (у нас радиобудильник был) и чувствуем – что-то не то. Интонация не та, и текст какой-то странный. Мы поняли, в чём дело, надели значки «Демократическая Россия» и отправились в центр города. В центре толпы собирались, какие-то

слухи ходили, мол, войска идут. В это время у нас в институте был приглашённый профессор Пекинского университета. Мы вышли с ним на Манежную площадь, он сказал, что всё это очень похоже на Пекин 1989 года и что кончиться может тем же самым. Но я был уверен, что тем же самым не кончится, и я очень горжусь своей страной, что действительно не кончилось так. Потому что всех передавить к чёртовой матери было очень нетрудно, в принципе. И мы тогда Белый дом защищали, дежурили, провели там первую ночь. На вторую уже сил не хватило, но мы подъезжали туда, какие-то продукты подвозили. Я ещё выходил к магазину с приёмником и с «Эхом Москвы», запускал его громко... Но как-то никого это не интересовало особо. Всё это было в отдельном, очень небольшом месте в городе. У нас даже были какие-то значки «Защитники Белого дома». Их уже потом раздавали, по рекомендациям, свидетели же были.

МО: После приезда в СССР Тань Ао-шуан поддерживала связь с Китаем? Была ли в курсе происходивших там событий?

АК: Она поддерживала связь с родственниками, посылала им деньги.

МО: А им потом ничего за это не было? Ведь их могли обвинить за связи с СССР в «культурную революцию».

АК: Её отец ещё в 1940-е годы примкнул к левому Гоминьдану, который считался прокоммунистическим, считался демократическим деятелем. Его даже похоронили на кладбище партийных деятелей. Он не попал под репрессии – может быть, был уже слишком стар. Он был очень идейным, и детей назвал: одного – Вэй -хэ 衛和 (Защита Мира), другого – Синь-хуа 新華 (Новый Китай). А вот старшему брату Тань Ао-шуан досталось – он и в деревню был сослан как «противник революции», его репрессировали. Младшего брата не трогали, потому что мать преподавала в Пекинском университете, была иностранным специалистом, и как-то обошлось. У неё ещё есть сестра, она преподавала китайский язык в Париже, в Сорбонне. Сейчас уже не преподаёт. Она литератор, у неё неплохие эссе, рассказы

маленькие. Она ведёт дружбу с Су Сяо-каном¹²⁷, они регулярно переписываются и общаются.

МО: Почему же все эти годы она не ездила в Китай? В связи с политическими событиями?

АК: Да, она не рисковала. Боялась, что обратно не выпустят. Я даже ходил с нею в посольство, когда ей нужно было продлевать паспорт. Меня туда не пустили, но я там тем не менее дефилировал. Не знаю, сказалось это как-то или нет в конечном счёте. Мы, кстати, и поженились очень быстро, потому что ей нужно было паспорт продлевать. Мы поженились в конце 1974 года. Она написала обо всём этом в своих мемуарах...

Я лучше расскажу вам о том, чего в мемуарах нет! Я очень нехорошо и болезненно расходился со своей первой женой. Когда мы с Тань Ао-шуан сблизилась, её бывший муж и моя бывшая жена написали на меня «телегу» в институт. Моё дело там разбирали. Когда мы поженились, меня практически выгнали с работы, потому что я «обманул коллектив». Было заседание кафедры, где голоса поделились пополам. Меня героически отстаивал Михаил Кузьмич Румянцев. Воскресенский, который был партийный человек, даже не будучи вполне мужественным человеком, и то изменил свою точку зрения: на партийном бюро голосовал против меня, а на заседании кафедры – за. Учёный совет проголосовал против меня, и меня выкинули с работы. Тань Ао-шуан написала письмо на имя Брежнева, которое разбиралось в ЦК, в отделе Китая – это была целая история. Я ходил к *Рему Викторовичу Хохлову*¹²⁸, он был очень хороший человек. Он недолго пробыл ректором, так как был альпинистом и погиб в горах. Я разъяснил ему ситуацию, и он специально для меня выделил должность младшего научного сотрудника. Я на этой ставке существовал. Делал всё то же самое – вёл *вэньянь* у шести

---

¹²⁷ Су Сяо-кан 苏晓康 (1949 г.р.). Китайский писатель, журналист, политический активист, один из девяти главных участников студенческого движения 1989 г.

¹²⁸ Хохлов Рем Викторович (1926–1977). Советский физик, один из основоположников нелинейной оптики. Ректор МГУ (1973–1977).

групп. А суть дела заключалась в том, чтобы меня не допускать к студентам, чтобы я их, значит, не разлагал. Тем не менее, нужда их заставила! (смеётся).

МО: Когда же всё это, наконец, утряслось?

АК: Это ещё очень долго всё утрясалось. Они ещё с Тань Ао-шуан потом счёты сводили.

МО: Каким образом?

АК: Распускали слухи, что она, мол, о брошенном больном муже не заботится, о сыне Ване, которому она якобы денег не давала... У меня даже документы все сохранились, очень забавно. Может, когда-нибудь их можно будет опубликовать...

МО: И вы ходили каждый день на работу, встречались с этими людьми...

АК: Люди тогда ещё ничего себя вели, это потом всё стало гораздо хуже. Когда меня в 2003 году выгоняли с заведования кафедрой – всё было гораздо, гораздо хуже! Тогда хоть голоса ещё разделялись, а тут мне была устроена полная обструкция. Ну что ж теперь поделаешь! Это говорит о том, насколько новые идеи о преподавании китайского языка оказались не по душе... К тому же, это было связано и с определённым отношением к Китаю и китайцам.

МО: Помнится, было у нас на кафедре какое-то «противостояние» лингвистов и литературоведов...

АК: Я пытался его ликвидировать, и это стало одной из причин моего изгнания. Зато сейчас у нас на кафедре есть неплохие литературоведы, хотя у меня и есть некоторые замечания...

МО: Следующий вопрос как раз про преемственность: что вы думаете о будущем российского китаеведения?

АК: Будущее российского китаеведения в значительной степени связано с возможностями и желанием усвоить традиционную китайскую культуру и вещи, которые с нею связаны. Потому что современная китайская культура в значительной мере ориентирована на Запад и поэтому кажется понятной, на западный взгляд. Но тот субстрат, на котором всё это держится, хоть в глаза

сразу не бросается, без него просто невозможно всё до конца понять. Кое-что в этом направлении делается, но это не взгляд изнутри. Содержание какого-нибудь трактата – скажем, «*Сунь-цзы бин фа*»¹²⁹ знают, а то, как он устроен, на чём он делается, на какой логике он построен, какие у него подспудные вещи – этого нет. Если мы будем считать, что в основе его, так сказать, китайским субстратом является «*Сунь-цзы бин фа*» в переводе на русский или на английский язык, то мы ничего не получим, потому что надо понять, что там внутри у него заложено, какая система понятий и всё остальное. И то же самое в отношении китайского языка и грамматики. Его описание в привычном европейском аппарате понять нельзя. И без этого понимания никто и никогда не сможет говорить правильно по-китайски, если только он не полиглот и не гений, у которого всё это в голове откладывается подсознательно. Но большинству людей приходится учить сознательно всё-таки. И это проблема.

МО: Какие качества вы больше всего цените в ваших студентах?

АК: Наряду с такими обычными нужными качествами, как трудолюбие, целеустремлённость и всё такое прочее, мне кажется, очень важны умение и возможность становиться на другие позиции: другого человека, другого народа, другой культуры. То есть стать выше собственной точки зрения, точки зрения своей собственной цивилизации. Увидев, что что-то не так, попытаться понять, почему. Почему это «так» для тех людей, которые это написали или сделали. Уметь перестроиться под другое мировосприятие.

МО: Ваши пожелания молодым китаеведам?

АК: Самое простое пожелание – больше читать по-китайски. Тем более что сейчас для этого есть все возможности. Больше думать, не увлекаться словарями. Думать о том, как всё устроено, ведь всё дело не в словаре, а в других вещах, которые словарь дать не может. А если уж пользоваться

---

¹²⁹ *Сунь-цзы бин фа* 孫子兵法. «Воинские законы Сунь-цзы» – древнекит. трактат VI в. до н.э., посвящённый воен. стратегии и политике. Является основополагающим текстом «школы военной философии».

словарём – то не китайско-русским, а китайско-китайским, чтобы хоть что-нибудь понять.

МО: Помимо науки, вы следите за тем, что происходит в Китае?

АК: Сейчас у меня не хватает на это сил. Силы мои, к сожалению, всё-таки ограничены уже. Раньше я интересовался всем, связанным с Китаем, как-то деятельно участвовал в судьбе своей жены, потому что пытался прожить её жизнь и очень ценил возможность видеть и встречаться с людьми, связанными с её прошлым, и в Китае тоже... Я рад, что знаком с ближайшим приятелем их первой семьи, китайцем, который ещё в школе учился с первой женой бывшего мужа Тань Ао-шуан. Я видел первую жену её первого мужа, для меня важно было это знакомство, я пытался что-то понять и почувствовать. А ещё мы дружили с первыми китайскими студентами в Москве (они здесь были по линии ООН), были знакомы с автором первой книги с симпатией к обитателям нового Китая *Рут Фишер*¹³⁰ «Go gently through Peking». Так что я вживался и в неё, и в Китай. Это было и семейное, и государственное направление (смеётся).

МО: Тем не менее вы же не уехали в Китай, не остались там, хотя у вас наверняка были для этого возможности. В том же 2003 году, когда начались неприятности на кафедре.

АК: Дело в том, что я считаю себя ближайшим к европейской культуре и «прилепившимся» к этому институту. Я в этом отношении очень консервативен и, несмотря на все неприятности, ещё в первый раз, когда меня гнали с работы, я никуда отсюда не ушёл, хотя мне предлагали переходить в Институт востоковедения. Но я как-то остался и совершенно случайно оказался преподавателем. Хотел быть научным работником, но не получилось – проекты, которые были, не состоялись, и пришлось мне идти преподавать. Но потом я в это дело вжил, полюбил студентов и до сих пор

---

¹³⁰ *Фишер Рут* (Лоис Фишер-Дицель [Lois Fisher-Dietzel]. В первом браке – Фишер-Руж, [Fisher-Ruge], 1940 г.р.). Писательница. Родилась в Хартфорде (Коннектикут), в семье с немецкими корнями. Работала корреспондентом «Die Welt» в Пекине (1973–1976) и Москве (1977–1998). Автор книг о своей жизни и работе в Пекине и Москве.

этим отличаюсь. Ведь даже когда преподаёшь что-то непонятное, если делаешь это добросовестно, это может быть оценено. Была хорошая отдача, и сейчас у меня есть отдача. Конечно, всё это стоит больших усилий. Но я рад, что нашёл в себе силы вернуться к преподаванию!

МО: Спасибо большое, Артемий Михайлович!

АК: Пожалуйста! До свидания!